

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ДЕВУШКА С КУЛОНОМ НА ШЕЕ

Черная кошка

Николай Леонов

Девушка с кулоном на шее

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Девушка с кулоном на шее / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-105468-7

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. В Подмоскowie задержан странный тип, угнавший машину, набитую фрагментами человеческих тел. На вопросы следователя задержанный ответить не смог, так как при невыясненных обстоятельствах был кем-то избит и частично потерял память. Полковник МВД Гуров привлёк к работе психиатра, и тот помог угонщику вспомнить последний недавний эпизод из его жизни: некую Лялю с необычным кулоном на шее. Кто она и как связана с расчлененкой? Гуров начинает выяснять личность Ляли, а заодно – историю кулона, оказавшегося ценным раритетом. В какой-то момент сыщику показалось, что он нашел разгадку, но внезапный выстрел оборвал нить его поисков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105468-7

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Девушка с кулоном на шее	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Иванович Леонов

Девушка с кулоном на шее

© Макеев А.В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Девушка с кулоном на шее

Глава 1

Рассвет только-только занимался, солнце лениво выкатывалось из-за горизонта, нежным золотистым светом подкрашивая зелень листвы. Щебетание лесных обитателей усиливалось с каждой минутой. Самцы еще не решили, стоит ли покидать насиженные места в поисках корма. В июле с этим проблем нет, так зачем спешить, когда можно вдоволь понежиться под теплыми лучами, похвастаться голосистым пением перед подругами, а может, и завести парочку новых знакомств, а еще и обозначить территорию для соперников.

Легкий ветерок колыхал ветки, создавая эффект движения, как на 3D-картинке. Первые нетерпеливые листья, пожелтев раньше времени и сорвавшись вниз, катились по лесной тропинке, будто забавляясь и резвясь. Воздух постепенно нагревался, обещая в полдень дойти до критической отметки. Но только не здесь, не в пригородном лесу, где легко найти прохладу даже от невыносимой жары. Стоит углубиться в чащу, и ты уже спасен. А ведь есть еще водоемы. Симпатичные озерца с плещущейся на рассвете рыбой, узкие речушки и более скромные лесные ручейки, в которые так приятно погрузить усталые, натруженные ноги, или умыться свежей водой.

А уж если на пути встретится родник! Так приятно зачерпнуть полные пригоршни, поднести к губам и пить, пить, пить. Пока зубы ломить не начнет. Пока желудок не наполнится до краев, создавая эффект сытости. Пугливые лесные животные пропустят незнакомца к любому водоему, остановятся в сторонке и будут ждать, пока не минует опасность. Но от свежей воды не откажется никто. Только не после душной ночи и не в предвкушении нового жаркого дня.

Световой день вступал в свои права медленно, но неуклонно. Июльская ночь коротка, а день долгий – это каждый знает. В каких-то районах он длиннее, в каких-то короче, но в регионах средней полосы в это время года день всегда выходит победителем. Если бы кому-то вздумалось проводить подобные соревнования, разумеется. Такие мысли роились в голове человека, бредущего по лесной тропинке. Если бы у него были часы, он бы смог высчитать, что до полного восхода солнца осталось не более двадцати минут. Но часов у него не было.

Впрочем, у него много чего не было. Красоты природы не задевали его эстетических чувств, потому что и чувств у него совершенно не осталось. Лишь дикая усталость и невероятное желание добраться наконец до места. Где это место? Сколько еще ему шагать? Как долго он уже в пути и зачем вообще куда-то идет? На эти вопросы ответов у путника не было. «Где я? Кто я? Что происходит в этом дерьмовом мире?» Ему казалось, что он невероятно долго терзается вопросами, ответов на которые нет. По крайней мере, не для него.

Мужчина, на вид ему было не больше сорока, двигался вперед на полном автомате. Ноги, обутые в разномастные ботинки, стерлись в кровь. Каждый шаг причинял ужасную боль, но остановиться он не мог. Просто не мог себе позволить прекратить движение. Почему? Действительно, почему бы не передохнуть? Вон впереди виднеется славный ручеек. Присесть на влажную траву, а лучше прилечь, вытянуть натруженные ноги, подложить руки под голову, закрыть глаза и лежать до тех пор, пока мысли не улетучатся.

Но нет, он чувствовал, что делать этого нельзя. «Надо идти, необходимо двигаться. Вперед, быстрее! Подальше от...» От чего? Мужчина не знал. Дикий, безотчетный страх непреодолимой силы гнал его вперед. Он понимал, что с ним произошла беда, но какая? Несколько часов назад, вконец обессиленный, он все же сделал небольшой привал. Нашел место в зарослях кустарника, неподалеку от тонюсенького ручейка, повалился прямо на землю, погрузил голову в ручей и пил так долго...

А потом, утолив жажду, нашел в себе силы осмотреть свое тело. То, что предстало его глазам, наводило тоску. Короткие, чуть ниже колен, тренировочные брюки были явно не по размеру. Пиджак образца «прощай, молодость» накинут на голое тело. Стыдно признаться, но на нем не оказалось нательного белья. Трусы исчезли, если вообще когда-то были. Карманы пиджака пусты. Ни документов, ни ключей, ни денег.

Но не это ужасало. Чудовищные синяки, многоцветьем расцветившие кожу, вот что казалось страшным. Они присутствовали везде: на ногах, на руках, на груди. Особенно на груди. Лицо вроде бы не тронут, но вот затылок вызывал беспокойство. На ощупь он определил, что под волосами по меньшей мере три рваные раны. Кровоточить они перестали, кровь запеклась толстой коркой, но головная боль! Она просто невыносима! Головная боль мешала сосредоточиться. Как только он пытался заставить себя вспомнить события, предшествовавшие этому странному походу, боль усиливалась, и в итоге мужчина пришел к выводу, что все его усилия напрасны. Остается только идти вперед – неизвестно куда, неизвестно от чего, неизвестно к чему. Подняться с земли его заставил шум. Странно знакомый и вместе с тем пугающе неизвестный. Он шел откуда-то издалека, но определить направление оказалось сложно, так как эхо ночного леса искажало ощущения. Шум как неожиданно начался, так же неожиданно стих, и мужчина двинулся дальше. Сперва медленно, осторожно переносил вес с одной ноги на другую, затем чуть быстрее, когда боль в лопнувших мозолях стала привычной.

Спустя примерно час солнце уверенно осветило тропинку до самого горизонта, и он понял, что ходит по кругу. Поваленное дерево с трещиной на конце в виде крокодиловой пасти попадалось ему уже в третий раз. Предположить, что в этом лесу все деревья вдруг начали ломаться по одной и той же технологии, даже в том состоянии, в котором находился мужчина, было бы верхом абсурда. Будь он человеком недалеким, он бы, может, и приписал такой парадокс чему-то сверхъестественному, но, судя по всему, дураком он не был.

Возле дерева в виде крокодила мужчина простоял минут двадцать. Дополнительных тропинок, на которые можно было бы свернуть, не наблюдалось, а тащиться все по той же тропе в четвертый раз заставить себя он не мог. И решиться на что-то другое тоже не мог. «Не стой столбом, – уговаривал он себя. – От этого ничего не изменится. Новая тропинка не появится, добрые люди не придут на помощь. Закончится тем, что ты умрешь от переутомления прямо здесь, в лесной глуши. И никому до этого не будет дела. Так что соберись и решишь уже хоть на что-то».

Решение пришло само. Из зарослей кустов донесся собачий лай. Звучал он не то чтобы близко, но отчетливо. Освещенный светом лес наполнился звуками, отчего эхо слегка притупилось, и пространство не так сильно искажало звук. Мужчина повертел головой, определяясь с направлением. Лай определенно доносился слева, пробиваясь сквозь самую толщу зарослей. Можно было поискать проход, где кусты росли пореже, но он рисковать не стал. Натянул рукава пиджака на ладони, выставил вперед локти и полез в чащу. Колючие ветки тут же вцепились в одежду, принялись рвать кожу, путаться в волосах, но он не обращал на это внимания. Лез и лез вперед, пока не оказался на поляне.

Симпатичная полянка в форме почти идеального круга со всех сторон заросла непроходимой стеной колючего кустарника. Лишь в одном месте этот кустарник уступал первенство некоему подобию дороги. Проход был достаточно широк, а чуть в стороне от него громоздилась куча обломанных веток, которыми кто-то пытался присыпать нечто. Прищурившись, мужчина вгляделся в искусственно созданный холм и сквозь ветки разглядел блеск стекла и матовые отблески краски вишневого оттенка.

Пару секунд он оставался на месте, а затем бросился к куче и начал яростно разбрасывать обломанные ветки, несколько не сомневаясь, что вишневый оттенок мог принадлежать лишь одному предмету – отечественной легковушке, чей возраст перевалил за «четвертак». Почему он так решил? На этот вопрос он бы не смог ответить. Просто знал, и все.

Он не ошибся. Не прошло и трех минут, как перед ним во всем своеобразном великолепии предстала старенькая «Лада-2199» приятно вишневого оттенка. Мужчина обошел находку со всех сторон. Как ни странно, она оказалась в приличном состоянии. Стекла целы, все четыре колеса на месте и даже не спущены. Сквозь лобовое стекло он заглянул внутрь. Руль на месте, сиденья на месте, а на приборной панели – полная пачка овсяного печенья.

Если до этого момента в голове мужчины роились сомнения, стоит ли трогать находку, то пачка печенья решила исход дела. Он просто обязан попасть внутрь! Это же еда! Настоящая еда, а не подножный корм в виде скудных ягод и зеленой травы, которую приходилось жевать, чтобы как-то притупить чувство голода. «Возможно, внутри и еще что-то из съестного найдется, – размышлял мужчина. – Может, даже консервы. Они ведь долго не портятся, даже на жаре, верно? О, как было бы чудесно отыскать в бардачке или на заднем сиденье целую банку мясных консервов! Или рыбных. Или какой-нибудь паштет».

Слюна заполнила рот, потекла по подбородку, а мужчина все не мог отвести взгляд от пресловутой пачки печенья. Собачий лай возобновился, что привело мужчину в чувство. «Нужно найти что-то тяжелое, какой-нибудь камень. Тогда я смогу разбить стекло и добраться до еды, – подумал он, но, пошарив глазами по сторонам, разочарованно простонал – камней видно не было. – Ладно, воспользуюсь локтем. Лучше лишиться руки, чем терпеть голод», – и направился к водительской дверце. Размахнувшись, со всей силы опустил локоть на стекло. Резкая боль пронзила руку до плеча, а стекло осталось невредимым.

Мужчина скривился от боли, согнулся пополам, прижимая ушибленный локоть к животу. Нет, этот вариант не пройдет, мало ему травм, так еще и без руки остаться? Должен быть другой выход. Должен! Он подергал ручку дверцы. Та не поддавалась. Тогда он пошел в обход, проверяя, не забыли ли закрыть хотя бы одну из дверей. Тот, кто оставил здесь машину, о безопасности позаботился, все дверцы оказались закрыты на ключ. От досады мужчина сжал руку в кулак и что есть силы ударил по крышке багажника. Рука отскочила в сторону, а вместе с ней и крышка. Она плавно поднялась над багажником сантиметров на пять и в этом состоянии застыла. Открыв багажник, он снова затосковал. Тот оказался битком набит всевозможным хламом вперемежку с инструментами для ремонта автомобилей. Чего тут только не было: запасной аккумулятор, четыре автомобильные камеры различной степени изношенности, набор гаечных ключей в фирменном чемодане, еще один набор, завернутый в старую джинсовую куртку, штук пять пластиковых ведер из-под краски, доверху нагруженных болтами, гайками и другими полезными железками. Бутыль тосола, еще одна бутылка с жидкостью для омывателя, металлическая канистра под бензин, а рядом две воронки. И много-много тряпок, ветошей и просто старой одежды.

– Меня это не остановит, – решительно произнес мужчина. – Клянусь, меня это не остановит.

Уныние, охватившее его в первое мгновение, улетучилось без следа. Он еще не знал, каким образом может воспользоваться багажником, но в голове что-то настойчиво щелкало, подавая сигнал на подкорку. Он должен знать, как попасть в машину через багажное отделение. Откуда? Без понятия. Но то, что знает, – это бесспорно. Мужчина принялся выгружать хлам из багажника, бросая на землю все без разбора, а сам продолжал соображать, откуда в нем появилась уверенность, что багажник и есть та пятая дверь, через которую он проникнет в салон?

Когда большая часть хлама была извлечена, он наконец вспомнил, откуда взялась уверенность. Когда-то он смотрел передачу, где телезрителям раскрывали секреты профессии угонщика. Так вот, в одной из передач он и видел способ, которым собирался воспользоваться сейчас. Поколебавшись всего минуту, мужчина шагнул внутрь багажника, и сгруппировавшись в позу эмбриона, умудрился втиснуть тело поверх оставшегося хлама. Перед глазами поплыли кадры передачи.

– Итак, надавить на верхнюю панель над задним сиденьем, – вслух инструктировал он себя. – Не поддается? А ты усилие увеличь. Раз! Еще раз! И последний разочек!

Панель взлетела вверх вместе с встроенными колонками. Мужчина протиснулся еще глубже и принялся шарить рукой в поисках специальных креплений, на которых держится спинка заднего сиденья. Нашел, отогнул, откинул спинку вниз. Образовалась узкая, сантиметров пятнадцать, щель. Маловато, решил он и попытался опустить спинку ниже. Та не поддавалась.

– Как же так! Я точно помню, что в передаче она была шире. И значительно шире, – стал размышлять вслух мужчина. – Она смотрелась как полноценная пятая дверь, клянусь. А что у меня? Прогал, через который кошка едва ли протиснется. Что я сделал не так?

Он снова мысленно прокрутил передачу, кадр за кадром, и пришел к выводу, что все сделал правильно. Так что тогда мешает спинке опуститься на сиденье полностью? Возможно, на сиденье что-то лежит. Но тогда он бессилен. Пролезть в такой узкий проход ни за что не удастся.

– Да фиг вы угадали! – зло прокричал мужчина и поменял положение, свесив ступни из багажника. Голова при этом оказалась прямо перед щелью. Выставив вперед руки, он воспользовался ими, как рычагом. Надавил на спинку и одновременно с этим начал ввинчиваться в салон, постепенно подтягивая ноги.

Он давил и давил на каркас, обшитый тканью, пока голова не оказалась напротив спинки водительского сиденья. Как только добрался до середины салона, освободил руки, перетащив их вперед. Теперь давление производили ноги. Тело сокращалось и снова вытягивалось. Движение напоминало способ передвижения змеи, только процесс шел медленнее. Через некоторое время лоб уперся в рычаг переключения скоростей. Мужчина приостановил движение, перехватил руки, дотянувшись до передних сидений, и начал подтягивать тело. Еще один рывок, и его ноги попали в салон.

Дальше все было куда проще. Подтягиваясь на руках, он перекинул ноги через спинку водительского кресла, а через мгновение оказался на этом кресле целиком и наконец смог выдохнуть. Он внутри, коробка с печеньем на месте, и жизнь налаживается!

Схватив упаковку, разорвал ее одним рывком, схватил три кругляша печенья, целиком запихнул их в рот и начал с наслаждением жевать. Это оказалось не так-то просто, потому что печенье ему досталось не первой свежести. Кругляши корябали небо и язык, норовили проскочить в горло большим куском, но кого волнуют такие мелочи? Мужчина впервые за долгое время получил нормальную еду и тратить время на тщательное пережевывание не собирался. Увы, печенье закончилось слишком быстро. Мужчина смял пустую пачку, боясь пропустить кусок, но в упаковке ничего не осталось. Такого разочарования за все время вынужденного невероятного путешествия он еще не испытывал.

– Черт! Черт, черт, черт! – со злостью и отчаянием в голосе застонал он. – Я есть хочу, понимаешь ты это? Я хочу жрать! Жрать хочу!

Он и сам не знал, к кому обращается, но потребность выплеснуть разочарование была настолько сильна, что сдерживать себя он уже не мог и добрых пять минут проклинал все и вся: неизвестных подонков, за то, что избили его, гипотетических родственников, за то, что за столько времени должны были бы хватиться и отправиться на его поиски, да так и не отправились. Но дольше и яростнее всех он проклинал владельца «Жигулей», за то, что не мог запасть продуктами. Глупо, но ему полегчало.

Успокоившись, он потянулся к дверце бардачка. Открыв магнитный замок, немного повеселел. Поверх старой газеты, скомканной пачки презервативов и упаковки влажных салфеток лежал шоколадный батончик. С лесными орехами, нугой и карамелью. Батончик мужчина запихал в рот чуть ли не с оберткой. Вытаскивал ту уже изо рта, пока зубы жевали орехи и нугу. Фантик он бросил под ноги и снова запустил руку в бардачок. Съестного больше не

обнаружил, зато пальцы наткнулись на нечто весьма полезное. Вытянув руку наружу, мужчина принялся разглядывать находку. В руку ему попала связка автомобильных ключей.

– Даю голову на отсечение, что ключики эти от «жигуленка», – вслух произнес мужчина. – А что это означает для тебя, страдалец ты этакий? Да то, что страданиям твоим конец настает, вот что.

Он вставил ключ в замок зажигания и осторожно повернул. Машина завелась с полоборота. Вот это удача! Он бросил взгляд на приборную панель: уровень масла в норме, бензина полбака, все лампочки горят так, как им и положено, – и удивленно протянул:

– Ну надо же, полный комплект. Кто бы ты ни был, я твой должник. Ну что, дружок, поехали? Не спрашивай, куда, куда колея выведет. Все лучше, чем торчать в этом проклятом лесу.

Затем медленно надавил на педаль газа, и машина плавно тронулась с места.

– Итак, водить машину я умею, – прокомментировал мужчина. – Осталось выяснить, насколько хорошо. Впрочем, это не имеет особого значения. Главное – не заблудиться. Главное, чтобы дорога не завела в тупик, а вывела к людям. Мне ведь нужно к людям, верно? Они обо мне позаботятся. Они будут знать, что делать дальше с моей жизнью.

Впереди шла колея из примятой травы. Едва различимая, но реально существующая. По лесу пришлось ехать довольно долго, он снова начал было нервничать, но оказалось, что нервничал напрасно – узкая колея вывела-таки его на трассу. На настоящую дорогу с асфальтовым покрытием, дорожной разметкой и дорожными знаками. Проехав с полкилометра, ему попался указатель. Ближайшим населенным пунктом там значилась Истра. «Истра – это в Подмосковье, – машинально отметил мужчина. – Хорошо. Подмосковье – это цивилизация. Это не Урюпинск какой-нибудь. Теперь все будет в порядке». Свернув по стрелке указателя, он прибавил скорость и помчал по пустынной дороге навстречу неизвестности.

В каждой профессии, если вдуматься, есть свои плюсы и минусы. Плюсы, как правило, относятся к чисто физическим удобствам: близость от дома, длительный оплачиваемый отпуск, возможность покинуть рабочее место в течение дня, малая загруженность и достойная оплата. Минусы же складываются по конкретным обстоятельствам и зависят скорее от коллектива и руководства. Так, в одном месте работа кассира заключается в определенных манипуляциях с кассовым аппаратом, приеме денежных средств и выдаче сдачи, а в другом – в сложном процессе распаковки товара, правильной раскладке по прилавкам, мытье пола в конце рабочего дня, озеленении прилежащего к магазину участка и еще целой кучи всевозможных мелких и крупных поручений. И все это – помимо того же приема денежных средств и выдачи сдачи.

Нет, бывает и по-другому: работа может оказаться физически непосильной, и этот фактор автоматически переходит в список минусов. Или же сам характер трудовой деятельности предполагает балансировку на грани допустимого законом и противозаконного. От такого вида деятельности нервная система быстро приходит в негодность, и даже щедрое вознаграждение не позволяет поставить этот фактор в графу «плюс».

Если же работа связана с постоянным общением, так называемая «работа с людьми», тот тут уже все зависит от самого работника. Нервотрепка и противостояние тебе обеспечены ежедневно, но если для одних это всего лишь дополнительный адреналин, разбавляющий скучную, бедную эмоциями жизнь, то для других – камень преткновения, заставляющий, вопреки огромному количеству плюсов, сменить сферу деятельности.

Иногда решающим минусом становятся настолько незначительные неудобства, что о них и говорить смешно. Смешно, но только не конкретному работнику, который именно из-за этого смешного неудобства лишается престижного, хорошо оплачиваемого места. Для примера: директор престижной фирмы, в которой ты проработал добрых десять лет, вдруг решает ввести дресс-код и фирменной униформой вводит короткую юбку и каблуки в десять санти-

метров. А ты и так дылда под два метра, да и колени у тебя, что бабушкины чугунные сковородки после тридцати лет эксплуатации. Всем до фонаря, даже толстой кадушке-бухгалтерше, у которой теперь из-под подола две гигантские колонны выдвигаются, а каблуки три раза в неделю ломаются, так как вес выдержать не могут. А тебе хоть в петлю лезь! Ну, не можешь ты пережить, что ежедневно на твои деформированные колени двести человек пялятся. Не можешь, и все тут!

Но, как ни крути, сложнее всего найти работу, которая удовлетворяла бы тебя не только материально, и даже не столько материально, сколько подходила бы под твой биологический психотип. «Жаворонки» и «совы» – эти определения оскомины на зубах набили, так часто люди манкируют ими. Раньше любителей поколобродить ночью, а назавтра поспать до полудня называли неорганизованными, безответственными и ненадежными. Теперь же отношение к выбору времени для сна и бодрствования кардинально изменилось. Толерантность и политкорректность доплелась и сюда. Долой обидные клише! Отныне слова «безответственный» и «ненадежный» раз и навсегда сменил термин «сова».

Откуда они берутся? Да просто у матушки-природы шуток немерено, вот она и развлекается. Рядом с нормой запускает что-то, что отклоняется от таковой. Так, в качестве эксперимента, на пробу, раз запустила, второй, посмотрела, что из этого вышло, да и забыла. А человек – существо восприимчивое. Друг на друга глядя, привычки перенимают. Сперва с трудом, затем с большим энтузиазмом. Время бодрствования всем продлить хочется, вот и кажется, что чем позже лег, тем больше успел. А там, глядишь, понравилось. И вот уже десятки людей бодрствуют до четырех утра, а потом до вечера глаза продрать не могут. И уже не важно, что до двадцати-то лет эта самая «сова» вела себя совершенно «по-жаворонковски». И спать ложилась до полуночи, и вставала в семь. Врожденное, приобретенное – какая разница. Есть определение, значит, все в порядке.

Но что делать тем, кто ни после полуночи, ни до обеда работать не в состоянии? Если человек ложится рано, так как глаза слипаются уже в восемь вечера, а встать раньше полудня все равно не может? Что делать таким индивидам? Неужели за них некому заступиться, и их удел влачить нищенское существование, так как дольше месяца ни на одной работе они не удерживаются? Где же тогда пресловутое равноправие и толерантность? Где политкорректность и глобальное понимание проблем меньшинств? Не сексуальных меньшинств, боже упаси, хотя и в этом вопросе людей с малым запасом жизненной энергии обскакали во всех цивилизованных странах. Разве неверно было бы таких отнести к разряду меньшинств и взять под опеку, как вымирающий вид?

Душевные терзания относительно психотипов испытывал молодой человек приятной наружности, не особо крепкого телосложения, но вполне жизнерадостного склада характера, Станислав Марченко, в половине первого спешивший к зданию Главного управления МВД на Петровке. А испытывал он их по той простой причине, что ждал выволочки от начальства.

Вот начальник его, полковник Лев Иванович Гуров, тот подобных проблем не испытывал. Казалось, ему вообще сон без надобности. Бросил он это неблагодарное дело. Перестал тратить время на сон, и весь разговор. Ему хоть в пять утра лечь, хоть в те же пять утра к работе приступить, одинаково легко. Вечно бодр, подтянут и готов к труду. Мозг работает, как отлаженные часы. Нет, как вечный двигатель, причем не в переносном смысле.

Стасик, как фамильярно называли его новые коллеги, в подчинение к Гурову был переведен всего три дня назад. Напарник Гурова, полковник Стас Крячко, уехал в далекую Абхазию, получив право на очередной отпуск, а его, Марченко, временно перебросили в убойный отдел «для заполнения пустот». Проще сказать, выдали полковнику Гурову на откуп. Совпадение имени прежнего и нового помощника не пошло на пользу Марченко. Называть лейтенантика двадцати пяти лет от роду полным именем Станислав – слишком много чести. Именоваться, как

прежнего помощника, Стасом – запутаться можно. А вот Стасик вполне подойдет, на том и порешили.

Возражать лейтенант Марченко даже не пытался, так как потерял право отстаивать свое достоинство, в первый же день опоздав на службу на целых полтора часа. Досадным обстоятельством служило то, что и после недостойного звания лейтенанта полиции опоздания Стасик не сумел превозмочь себя и справиться с пагубной привычкой. Второй рабочий день он начал на полчаса позже положенного. Полковник Гуров посмотрел на него строгим, осуждающим взглядом, но от комментариев воздержался. Стасик обрадовался, что на этот раз пронесло, и твердо решил: лучше он совсем не будет ложиться спать, но больше на службу не опоздает. Ни под каким предлогом!

Он промучился до трех часов ночи. Заводил будильник каждый час, чтобы дозированно получать порции сна. Зачем? В Интернете вычитал, что так людям, склонным к позднему вставанию, легче адаптироваться к раннему подъему. Вот и решил попробовать. Брехня! Разорванный на части сон его не спас, и это еще скромно сказано. Вместо того чтобы подняться в шесть утра, быстренько позавтракать, сделать зарядку и принять душ, он проспал до... одиннадцати часов! Чудо, что вообще проснулся, все будильники к тому времени свое отзвонили, а домохозяев, способных проконтролировать данный процесс, Марченко не имел.

Подскочив на постели, он застонал и начал быстро натягивать форму. Ни о каком душе уже не помышлял, а уж о завтраке тем более. Зубы, правда, почистил. Не хватало еще, чтобы коллеги, учуяв запах изо рта, дали ему прозвище пообиднее пресловутого «Стасика». Ленивая кошка Манюня вальяжно развалилась на кресле и следила за передвижениями Стасика с каким-то злорадным удовольствием. Конечно! Ей-то что? Она всю ночь дрыхла без задних ног, и впереди еще целый день неги. Хочешь спи, хочешь бодрствуй, на работу-то не ей идти. В такие минуты Стасик черной завистью завидовал своей кошке и мечтал, чтобы однажды кому-то захотелось прибрать его, Стасика, к рукам, принести в дом, выделить кресло и миску с кормом и время от времени почесывать за ушком.

Дальше момента с почесыванием мечты обычно не заходили. Стасик энергично тряс головой, гоня прочь крамольные мысли, заканчивал утренний туалет и пулей вылетал на улицу. Он почти все время летал пулей, так как случаи, когда он не опаздывал, можно было пересчитать по пальцам. Сегодня же особого смысла торопиться Стасик не видел, просто многолетняя привычка заставляла двигаться быстрее. Он был уверен: пятичасового опоздания на работу полковник ему не спустит. Мысленно он готовился к тому, что сегодня ему предстоит писать рапорт на увольнение. Подобные мысли оптимизма не вызывали, но настраивали на философский лад. Отсюда и лекция о разных психотипах, сложившаяся в голове на полторакилометровом перегоне между улицей Селезневской, на которой проживал Марченко, и Петровкой.

Весь путь Стасик пролетел за рекордно короткий срок, равный двенадцати минутам и сорока восьми секундам. Обычно на весь маршрут он тратил от двадцати до тридцати минут, но сегодня перед его мысленным взором громоздился позорный столб, к которому его непременно пришиблят маститые коллеги.

У дверей центрального здания он притормозил. Страх сковал мышцы ног, на лбу выступила испарина, руки предательски задрожали. «Не хватало еще разнюниться, – одернул он сам себя. – Соберись, лейтенант Марченко. Возьми себя в руки и прими наказание достойно!» Вдохнув теплого июльского воздуха, он потянул на себя входную дверь и шагнул в неприветливо яркий холл.

Глава 2

– Гражданин, прекратите морочить мне голову! Здесь вам не социальная служба, чтобы душещипательные истории рассказывать. Идите проспитесь!

В комнатухе три на три метра воздух нагрелся градусов до тридцати пяти, а в стеклянной колбе, отведенной для дежурного полицейского, со всеми причитающимися рабочему месту атрибутами в виде компьютерного монитора, системного блока и пульта управления внутренней и внешней связью, ртутный столбик показывал все сорок. Миниатюрный вентилятор, кое-как пристроенный к столешнице, гоня горячий воздух, облегчения не приносил. А тут еще обращенец бомжеватого вида с глупостями пристаёт. Ну, как тут не вспылить?

– Еще раз повторяю: либо вы немедленно покинете помещение отделения, либо я вызову патрульных и они засунут вас в «обезьянник». На неопределенный срок!

С бомжеватого вида мужчиной разбираться досталось капитану Забадаеву. Истории, подобные той, с которой пришел в отделение неизвестный, операми и следками воспринимались как очередная хохма. И это было понятно. «Сказочников», от скуки таскающихся в отдел с фантастическими рассказами, в любом городе хватало, но у них, в Истре, подобные ходки стали явлением настолько частым, что, будь в их отделе хоть один писатель, он бы наверняка озолотился за счет этих историй.

И почему-то так выходило, что большая часть рассказчиков появлялась в дежурке именно в дежурство Забадаева. Шутка-каламбур вроде «Забадаев, забодали сказочники, а?» давно бы должна была приестся, но почему-то не приедалась. Забадаев был уверен: стоит ему пойти с историей незнакомца к дежурному следователю, и тот непременно выдаст коронную фразу, после чего весь отдел будет ржать и подкалывать капитана не меньше недели. Это была одна из причин, почему он так энергично выпроваживал очередного «сказочника» из дежурки и почему так злился, что тот не желал уходить.

– Идите, гражданин, – в очередной раз повторил Забадаев. – Идите подобру-поздорову. Не мешайте людям работать.

– Не могу я уйти! – с отчаянием в голосе возопил мужчина. – И не только потому, что пригнал к вам во двор автомобиль, полный трупов. Трупы – это в вашей юрисдикции. Вы же полиция, в конце концов, а не я. Уйти я не могу, потому что идти мне, по факту, некуда. Я не знаю, кто я, как меня зовут, где я живу и что из себя представляю. Я абсолютно дезориентирован, десоциализирован и эмоционально раздавлен. Помимо этого, я нуждаюсь в профессиональной медицинской помощи, на оказание которой, по законам Российской Федерации, имею полное право. Поймите, наконец, вам от меня не избавиться. Какие бы комплексы вас ни донимали, вам придется мне поверить и препроводить к компетентному сотруднику. Вы обязаны мне помочь, и точка!

Мужчина произнес речь на одном дыхании, ни разу не сбившись, не заикнувшись и не тратя время на подбор слов. Так, будто произносить речи для него дело привычное. Забадаев не привык, чтобы бомжи и деградировавшие личности вставляли словечки типа «десоциализация» и «юрисдикция». К тому же меткое замечание о комплексах капитана наводило на мысль, что человек этот основательно изучал психологию личности или что-то подобное. Ведь, по большому счету, докладывать о приходе нового обращенца, как в шутку называли в отделе заявителей, он не желал только потому, что не хотел выслушивать подтрунивания коллег.

Признавать правду Забадаев умел. Взвесив все «за» и «против», он пришел к выводу, что на этот раз в дежурку пришел человек, действительно нуждающийся в помощи, однако спешить с докладом все равно не стал. Положил руку на аппарат внутренней связи, погладил кнопку вызова дежурного следователя и снова убрал.

– Ладно, поступим следующим образом, – обратился он к мужчине. – Сейчас мы выйдем во двор, вы покажете мне свою машину, и, если ваши слова подтвердятся, я отведу вас к следователю.

– Отлично! Не об этом ли я твержу битых полчаса? Пойдемте, вы все увидите своими глазами. Уверен, даже ваш пресытившийся кровавыми картинами мозг не в состоянии представить себе то, что ему предстоит увидеть.

– Ладно, ладно, не важничайте, – пробурчал Забадаев, выходя из стеклянной колбы. – Подумаешь, труп. Это ж не картина маслом.

– Да уж, не картина, – согласился мужчина. – Эстетически – так уж точно.

Во двор он вышел первым, но к машине идти отказался, сославшись на «тонко организованную нервную систему», которой не под силу вынести подобное зрелище повторно. Забадаев подошел к вишневой «девяносто девятой», дернул водительскую дверь. Та оказалась не заперта.

– То, что вы ищете, у заднего сиденья, – подсказал мужчина. – И настоятельно рекомендую чем-то прикрыть дыхательные пути. Запах там не самый благоприятный для вдыхания.

– Иди ты! – отмахнулся Забадаев. – Запах ему неблагоприятный, умник хренов.

Но как только дверь автомобиля открылась, он сразу забыл про недовольство. Тошнотворный запах разложения ударил в нос с такой силой, что, будь в желудке капитана хоть какая-то пища, в то же мгновение оказалась бы на асфальте. Забадаев сунул руку в карман кителя, поспешно достал оттуда носовой платок, прикрыл им нос и рот и только после этого смог заглянуть в салон. На полу возле заднего сиденья стояли два мешка из-под сахара – один побольше, другой поменьше. Все, как и говорил обращенец.

Двумя пальцами правой руки Забадаев осторожно отогнул край ближайшего мешка. Позывы к рвоте усилились, как только он увидел содержимое. Мешок был наполнен частями человеческого тела. Сверху красовалась культия человеческой руки, посиневшие ногти выделялись на фоне желтушного цвета кожи, почему-то ассоциируясь в воображении капитана с переспевшей сливой. В голове промелькнула мысль: надави посильнее, и брызнет. Вернув край мешка на место, он хлопнул дверцей и повернулся к обращенцу.

– Теперь вы мне верите? – задал тот совершенно глупый вопрос.

– В отделение. Живо! – успел произнести Забадаев, прежде чем его вывернуло наизнанку прямо на глазах обращенца.

Мужчина бомжеватого вида оказался личностью культурной. Он прошел в дежурку, корректно оставив без комментариев слабость сотрудника правоохранительных органов, за что тот был ему весьма признателен. В душном помещении тошнота вернулась, но на этот раз Забадаев сумел с ней справиться. Глотнув воды из пластиковой бутылки, он набрал номер кабинета дежурного следователя и, осторожно подбирая слова, доложил:

– Товарищ майор, тут у нас ЧП назрело.

– Что еще за ЧП, Забадаев? Снова обращения забодали?

Шутке следователя Забадаев не удивился, лишь злорадно усмехнулся, представив, насколько осложнится жизнь майора Иванченкова буквально через несколько минут. «Уверен, ближайшие недели тебе будет не до шуток», – мысленно произнес он и невозмутимо продолжил доклад:

– На парковке стоит автомобиль марки «ВАЗ-2199», без номерных знаков. В салоне автомобиля находятся два пластиковых мешка с останками человеческих тел. – И, не удержавшись, подколол: – Поздравляю с «расчлененкой», товарищ майор.

Тот даже трубку на аппарат положить не успел, так спешил. Выскочив в помещение дежурки, он налетел на Забадаева, как коршун на цыпленка:

– Что за шутки, капитан? Какая еще «расчлененка»? Ты что, перегрелся? – Вопросы сыпались из уст майора вперемешку с нецензурной бранью. – Учти, Забадаев, если это шутка, она тебе дорого обойдется.

– Во двор выйдите, – подал голос бомжеватого вида мужчина. – Все лучше, чем сквернословить в стенах учреждения, призванного поддерживать общественный порядок.

Майор скосил взгляд в сторону говорящего, увидел, кто перед ним, и снова выругался.

– Это что еще за явление? – грубовато поинтересовался он. – Снова бомжей привечаешь, Забадаев?

– Это, товарищ майор, главный свидетель, – с наслаждением проговорил капитан. – Этот гражданин пригнал автомобиль и сообщил о найденных в нем трупах. Заявитель, товарищ майор.

– Заявитель? Он? – Майор окинул мужчину брезгливым взглядом. – Свидетель, говоришь? Ладно, тащи свой зад в мой кабинет, а я пойду посмотрю, на самом деле все так скверно, или вы с капитаном на пару тут «беленькой» балуетесь.

Майор вышел во двор. Вернувшись буквально через минуту, он молниеносно заскочил в стеклянную колбу дежурного, сорвал трубку с пульта и заорал во всю глотку:

– Дежурная бригада на выход! И криминалистов захватите. У нас «расчлененка»! – После чего снова помчался на улицу, бросив через плечо капитану: – Этого в «обезьянник».

– Вы же велели в кабинет, – напомнил Забадаев.

– Ты что, оглох? В «обезьянник», живо!

Забадаев чуть смущенно улыбнулся и, обращаясь к мужчине, приказал:

– Следуйте за мной, гражданин. Посидите в «обезьяннике» до выяснения. – И добавил для поддержки: – Да вы не переживайте, там сейчас пусто. Как на курорте.

– Уж наверняка лучше, чем в кабинете не совсем адекватного человека, наделенного к тому же неограниченной властью, – прокомментировал мужчина. – Ведите, товарищ капитан, я возражать не стану.

Забадаев сдержал улыбку. «Наивный человек. Думает, что здесь кто-то станет слушать его возражения», – мимоходом подумал он. Клетка «обезьянника» пустовала: местные дебоширы еще не активизировались, а те, кого задержали накануне, уже свое оттрубили. Капитан открыл решетчатую дверь, пропустил мужчину внутрь, защелкнул замок и развернулся, собираясь вернуться на свой пост, но мужчина остановил его вопросом:

– Этот ваш майор, он как вообще?

– В каком смысле? – Забадаев сделал вид, что не понял вопроса.

– В плане рационализма. Я вот все думаю, не напрасно ли пришел сюда? Может, разумнее было бросить машину на въезде в город и дойти пешком? Проблем бы определенно меньше было.

– Это с какой стороны посмотреть. – Забадаев невольно задумался. – Укрытие от правоохранительных органов информации о совершенном преступлении может быть квалифицировано как соучастие.

– Жизненный опыт подсказывает мне, что в моем случае вопрос соучастия так и так будет рассматриваться, – заметил мужчина. – Вот я и интересуюсь: ваш майор, он человек разумный? Или мне следует готовиться к худшему? Я ведь вам уже сказал, что ничего не помню, и это действительно так.

– Что, и имени своего не помните? Действительно не помните?

– Увы, никаких конкретных воспоминаний. Помню, что шел по лесу, что было холодно и невыносимо хотелось есть. А зачем я пришел в этот лес и какие события этому предшествовали, не имею ни малейшего представления.

– Возможно, это последствия шока, – предположил Забадаев. Тут в дверях показался майор, и он поспешил закончить разговор: – Да не переживайте вы так, майор во всем разберется.

Забадаев вернулся на пост, а мужчина, отойдя от решетки, уселся на скамью, устремил взгляд в пол и задумался. Положение его было незавидным, это он и без восстановления памяти понимал. То, что он добровольно сообщил о найденных трупах, должно, по идее, его реабилитировать. Но он не мог не понимать, что отсутствие памяти этот факт перечеркивает. Как знать, может быть, он совершил кровавое преступление, собирался замести следы, и тут память его оставила? Забыв о совершенном преступлении, он решил, что это сделал кто-то другой, и лишь поэтому пригнал машину в отделение полиции. Возможно такое? Вполне.

Додумать мысль он не успел, майор отдал приказ отвести его в допросную. Что такое допросная, мужчина спрашивать не стал, но звучало название куда более угрожающе, чем просто кабинет. Воображение услужливо подсовывало красочные картины, где эта самая «допросная» выглядела устрашающе, ассоциируясь со словом «пыточная». Серые каменные стены, бетонный пол, крюки и цепи, на которых подвешены тела тех, кого требуется «допросить». Всюду кровь, выбитые зубы и следы экскрементов, красноречиво указывающие на то, что далеко не каждый может выдержать подобный «допрос». А еще неизменное ведро с ледяной водой где-то в уголке «пыточной». Как без него? Надо же как-то приводить в чувства допрашиваемого.

– Чего застыл? – донесся откуда-то издали чей-то голос. – Поднимайся, дружище, выживать времени нет.

– Быть может, мне потребовать адвоката? – поднял глаза на говорившего мужчину. Это был Забадаев. – Ведь мне положен адвокат?

– Не лезь в бутылку, – посоветовал Забадаев. – Майора лучше не злить. Пойдем, все образуется, вот увидишь. Ты, главное, не ври, он этого не выносит. Говори правду, и все будет хорошо.

Мужчина был благодарен за совет, хоть какая-то конкретика. Не врать так не врать. С этим проблем не будет, ведь правды он все равно не знает, значит, и скрывать что-то причины нет. Забадаев отвел его в комнату, ничем не напоминающую страшные картины, которые минуту назад рисовало воображение. Вполне обычная комната, два на два метра, с квадратным столом, прикрученным к полу. Рядом стояли два стула, друг напротив друга. Маленькое, не больше полуметра, окно забрано густой решеткой. Но ни крюков с цепями, ни, тем более, ведра с ледяной водой в комнате не было.

Металлическая дверь с встроенным смотровым «глазком» захлопнулась, как только майор переступил порог. Мужчину к тому времени усадили на один из стульев. Руки и ноги оставались свободны. Наручники на него не надевали, что несколько успокаивало. «Значит, записать в преступники меня не успели, – сделал он вывод. – Может, пронесет», и, подняв глаза на майора, спросил:

– Мне начинать говорить?

– А есть что сказать? – задал встречный вопрос майор.

– Не знаю, успел ли доложить ваш коллега, – начал мужчина, – но ситуация осложняется тем, что моя память сыграла со мной злую шутку. Дело в том, что я ничего не помню.

– Так! Удобно. – Первое слово прозвучало зловеще. – И чего же конкретно ты не помнишь?

«Странный вопрос, – тут же напрягся мужчина. – Судя по нему, ничего хорошего ожидать от майора не приходится. И как меня угораздило так вляпаться?» Секунду спустя он сосредоточился на остатках воспоминаний и принялся излагать свою историю. Он думал, что майор станет перебивать, задавать встречные вопросы и требовать более подробных ответов, но ничего подобного не произошло, тот вообще никак не реагировал, сидел и молча слушал.

Мужчине показалось, что майору скучно, что свои выводы он успел сделать еще до начала рассказа и все попытки донести до него абсурдность ситуации заранее обречены на провал.

Выводы мужчины оказались не беспочвенными. Как только он завершил короткое, скудное на конкретику повествование, майор поднялся, вызвал конвоира и велел проводить задержанного в камеру. Не в «обезьянник», откуда его забрали, а именно в камеру. Мужчина попытался возразить, объяснить, что он не преступник и сажать его в камеру излишняя предосторожность. Но майора его попытки не тронули. Бросив на него презрительный взгляд, он просто взял и ушел. Не сказав ни слова!

Конвоир, оставшийся с ним в комнате, тоже не был настроен на беседу. Как только мужчина открыл рот, он бросил на него такой свирепый взгляд, что желание разговаривать отпало мгновенно. Так он и дошел до камеры, без единого звука, без объяснений и поддержки, а оставшись в полном одиночестве, прислонился лбом к обшарпанной стене и застонал. Что его ждет? Чем обернется глупый альтруистический поступок? Почему, ну почему он не подумал о последствиях заранее?

Он понимал, почему, обнаружив трупы в машине, тут же помчался в полицию. Так поступают законопослушные граждане. Это правильно и закономерно, только вот проблема в том, что он не уверен, относится ли сам к этой категории. С одной стороны, раз поступил он правильно, с точки зрения общепринятых норм и правил, значит, есть надежда, что таковым и является: законопослушным гражданином, придерживающимся общепринятых норм и правил. В полиции разберутся, что с ним произошло. Они помогут восстановить события, помогут вернуть память, а быть может, и всю жизнь. Примерно так он рассуждал, когда гнал автомобиль по пыльным городским дорогам.

С другой стороны, он не мог не понимать, что является удобным объектом, на которого легко списать любое преступление, так почему бы не сделать это? Что означает слово «висяк» и каково отношение к подобным делам в органах, мужчина помнил. Память – штука сложная. Он не мог вспомнить своего имени, адреса и даже рода деятельности, которой занимался до всего этого кошмара, но для того, чтобы вспомнить отвлеченные понятия, типа определения преступления, которое невозможно раскрыть, даже усилий прикладывать не приходилось. Они всплывали в памяти легко и непринужденно.

А еще он точно знал, что возраст его далеко не юношеский, и, глядя на свои ладони, догадывался, что ему вряд ли когда-либо приходилось зарабатывать на жизнь физическим трудом. Судя по речи, он не относился к так называемой категории простолюдинов из глубинки, и что такое «глубинка», тоже знал, помня, что город Истра находится в Московской области. Но как только попытался выудить из памяти название места, где родился и вырос, мозг будто заволокло плотным туманом, пробиться сквозь который никак не получалось.

В какой-то степени его радовало, что сцены убийства в памяти не возникали. Это вселяло надежду. Он не убийца, потому и не видит подобных сцен. Но так ли все просто? Возможно, как раз это и послужило толчком к потере памяти, организм таким образом защищает мозг от сильного стресса. Защитная реакция организма. Вот снова: что такое защитная реакция, он понимает, а откуда взялись эти знания, понятия не имеет. Быть может, он ученый? Или врач? Какой? Психиатр, например.

Точно! Нужно занять себя чем-то полезным. Не стоять же вечно возле стены, обтирая лбом грязную краску? Можно попытаться вспомнить, что он знает о психиатрии. Или о других видах деятельности. Какие вообще бывают профессии? Начнем с врача. Что он знает о медицине? Скальпель, стетоскоп, разрыв бедренной артерии, кетгут, переливание крови. Он долго перебирал слова, пробуя на вкус специальные медицинские термины, и все же пришел к выводу, что вряд ли был когда-то врачом.

Профессию полицейского отменил однозначно. Ничего, кроме тревоги и какого-то подспудного страха, эта профессия у него не вызывала. Затем пошли учителя, научные сотрудники,

астрономы и астронавты. Чуть позже – продавцы, офисные работники, банкиры и страховые агенты. Под конец очередь дошла до дворников, уборщиц и подсобных рабочих, но ни одна из перечисленных профессий щелчка в мозгу не вызвала. Ничего! Пустота абсолютная.

А ведь ему казалось, что он выбрал самый многообещающий аспект человеческого существования. Семья и работа, не это ли основа человеческой жизни? Попытки вспомнить семью он предпринимал, еще будучи в лесу, но и они положительного результата не дали. Нет, такие понятия, как «мать, отец, сестра, брат, сын» и прочие названия близких родственников, из памяти не улетучились. Но есть ли у него жена, родились ли от него дети и живы ли родители?..

И так по всем пунктам. Друзья, коллеги, знакомые? Информация засекречена. Любимые книги, фильмы, стихи? Информация засекречена. Популярные виды отдыха? Информация засекречена. Да что отдых, когда он даже не сумел вспомнить, что предпочитает есть на завтрак! А ведь сколько их было, завтраков? Десятки тысяч. День за днем он садился за стол, расставлял на нем тарелки, наполнял чашку, а теперь не может вспомнить, ни как выглядел этот стол, ни цвет тарелки, ни название напитка, который наливал в чашку. Он и чашку-то не помнил.

– Абсурд, абсурд! Нет, это полный абсурд! – громко воскликнул мужчина, чтобы окончательно не свихнуться.

Одиночество угнетало. «Интересно, так было всегда, или боязнь одиночества я приобрел вместе с амнезией?» Вопрос возник спонтанно, будто из ниоткуда. И тут же всплыл термин, обозначающий боязнь одиночества: аутофобия. Специфический термин в очередной раз навел на мысль, что профессия психиатра, или хотя бы штатного психолога может оказаться тем видом профессиональной деятельности, которым он занимался не один год. И сразу после этого мысль заработала с новой силой.

Сколько в стране может быть психологов? Действующих, приносящих определенную пользу – не так уж много. А если брать психиатров, так те вообще наперечет. «Если я хороший психиатр, значит, мое исчезновение должны заметить. Оно не может пройти незамеченным, так ведь? Так. Сколько дней я ходил по лесу? Два? Три? Возможно, и больше. Значит, в настоящий момент меня уже должны искать. Подать в розыск, передать мои приметы по всем областям и регионам. Интересно, по истечении какого срока пропавшего человека объявляют в федеральный розыск? Не важно, сколько бы времени ни понадобилось, меня непременно найдут. Человек – это вам не иголка в стоге сена. Он не может пропасть бесследно, особенно если он жив. Или может?»

Поначалу мысли успокаивали, но вскоре нервная дрожь охватила все тело. Память, так жестоко выбросившая его из реальной жизни, подленько подсовывала воспоминания неких абстрактных ситуаций. То ли из художественных фильмов, то ли из литературы, а может, и из жизни. Все они начинались одинаково: человек пропал, идут круглосуточные поиски, количество поисковых отрядов впечатляет. А потом трагический конец: найден мертвым в лесных зарослях, выловлен утопленник, убит неизвестными. И изредка: поиски не дали результата. Вердикт – пропал без вести. Эти мысли не успокаивали. Нет, не успокаивали.

Что, если и его поиски не дадут результата? Неужели он так и останется безымянным мужчиной с кучей расчлененных трупов в угнанной машине? Интересно, за угон машины ему тоже светит срок? И как тогда будут считать? По совокупности преступлений? Скорее всего, так. Но ведь он может оказаться и невиновным! Он чувствует, что невиновен. Нет, напрасно он не потребовал адвоката. С ним можно было поговорить не только о том, что его ждет, но и о том, как вернуть то, что составляет основу жизни любого человека. Как вернуть прошлое?

Головная боль вернулась с новой силой. Почему он не попросил таблетку у того полицейского, который вызвал майора? Фамилия у него смешная. Забадаев. Наверное, в детстве его дразнили все, кому не лень. Может, и сейчас дразнят. Интересно, дразнил ли кто-то его самого? Этого он вспомнить не мог. Может, попытаться снова? Мужчина напряг память. Он

почти физически ощущал работу мозговых извилин, которые представлялись ему в виде длинных трудолюбивых земляных червей, прогрызающих ходы в земле. Только ходы эти никуда не вели.

Ползет его червяк по просторам головного мозга, кажется, еще немного, доползет он до края, и тогда все встанет на свои места. Нетерпение захлестывает, точно морские волны песчаный пляж, но только волна откатывается назад, когда приходит понимание: края нет! И облегчения не будет, и на места ничего не встанет. Впереди бесконечность. Как бесконечны галактики, так же бесконечна его амнезия. Нет спасения, нет выхода. Ничего нет!

В полном изнеможении мужчина рухнул на топчан, застеленный тонким матрасом. Откуда-то из глубины сознания всплыла картина, где строгий конвоир пинками поднимает заключенного с топчана. В дневное время на нарах можно только сидеть. Лежать – ни в коем случае. Не положено – так комментирует грубое обращение с заключенным сам конвоир. В голове промелькнула мысль: вот сейчас появится злой конвоир и заставит встать. Скажет сакраментальное «не положено», двинет по зубам, не потому, что ты не послушался, а так, для профилактики, чтобы другим неповадно было. Кому другим? А пес его знает. В фильмах конвоиры так и поступают.

Мысли неслись дальше, но фиксировать их мозг перестал. Тело расслабилось, благословенное забытие завладело всеми членами. Мужчина заснул.

Конвоир не появился, никто не толкнул спящего заключенного с жесткого топчана кованым сапогом. Про него как будто забыли. Прошло двенадцать часов, прежде чем в «глазок» камеры заглянул конвоир. К тому времени день перешел в глубокую ночь, и придираяться к нарушению правил внутреннего распорядка было уже неактуально.

Особых распоряжений относительно задержанного конвоиру не поступало, поэтому он просто понаблюдал за спящим, чтобы убедиться, что тот дышит, затем закрыл смотровое окно и перешел к следующей камере. Мужчина этого не заметил. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и время от времени стонал. Раны на теле ныли, но причиняли куда меньше неудобств, чем кавардак в голове, поэтому мозг и цеплялся за спасительный сон, чтобы как-то восстановить равновесие. Сон без сновидений, без эмоций. Впереди ожидали тревога и неизвестность. Но это потом, а сейчас – спать, спать, спать...

Майору Иванченкову было не до сна. С того момента, как дежурный Забадаев сообщил о чрезвычайном происшествии, он трижды успел получить нагоняй. Сначала от начальника отделения, полковника Бородина, когда докладывал о происшествии. Затем от начальника городского управления, когда тот лично прикатил в отдел, чтобы получить информацию из первых уст. И, напоследок, от самого главы городского округа Истры, за промедление с докладом о ситуации, выходящей за рамки штатной.

А почему, собственно, все шишки на него? Ему и так не повезло. Приди этот чмошный обращенец на два часа попозже, и отдуваться пришлось бы подполковнику Стругову, он как раз после майора на дежурство заступает. Но нет, закон подлости так не работает. Он уж если бьет, так сразу под дых. Чтобы не продышался. И все равно несправедливо. Он свою часть работы выполнил четко: обращенца задержал и даже допросил, бригаду криминалистов на место происшествия отправил, начальству доложил незамедлительно. Чего еще они от него ждали? Что он начнет звонить во все колокола, собирая вокруг отдела толпы зевак и журналистов?

Журналисты, правда, сами прознали. Часа не прошло, как они налетели, словно коршуны. Начали кружить вокруг отдела, камеры настраивать, микрофоны свои паршивые в лицо совать. Еще и за них влетело. Почему не предусмотрел? Почему допустил утечку информации? Это он-то допустил? Да он каждому, кто в отделе был, лично кулаком грозил, и не только кулаком, чтобы они язык за зубами держали. Понабрали болтунов, а отдувайся Иванченков.

Полковник Бородин тоже хорош. Приехал, руками помахал, приказов тупых наотдавал и отчалил. Поехал с докладом к высоким чинам, а что из этого вышло? Только лишний раз отдел

подставил. Теперь дело взято под особый контроль, а это значит, не будет майору продыха, пока он преступление не раскроет. Хорошенькое дельце! Подсудопил ему Забадаев. И ведь как радовался, паршивец. «Поздравляю с «расчлененкой»!» Урод! Пускает в дежурку всякую шуштуру, а честные менты за это выговоры получают.

По большому счету, выговор – не самое страшное. Да и ситуация с шумихой майору на руку. Посидели высокие чины, поразмышляли, послушали его, майора, доклад и пришли к выводу, что дело лучше сразу передать более компетентным в таких вопросах служащим. На Петровку доложили, помощи затребовали. Те, разумеется, сперва заартачились, на местных списать хотели, но разве главе городского округа откажешь? Не отказали. Обещали выслать крутого специалиста.

Вот майор и сидел в кабинете в половине первого ночи в ожидании прибытия человека с Петровки. Кого пришлют, его не предупредили. Сказали: жди. А сколько ждать, неизвестно. И позвонить, чтобы уточнить, некому. Бородин злой как черт, к нему лучше не соваться, а до остальных майор не дорос. Когда он прибудет, этот спец с Петровки? Может, сегодня, а может, через неделю. Иванченков без понятия, как у столичных принято. Пожрать и то не отойдешь, иначе Бородин совсем взбесится, если он московского спеца проворонит.

Чтобы хоть как-то убить время, майор вызвал конвоира, узнать, чем занимается его подопечный. Тот доложил: спит обращенец. Вот засранец! Подогнал отделу «глухаря», а сам дрыхнет. Майор сейчас тоже с удовольствием «на массу бы надавил», да какое там! Криминалисты отчет в спешном порядке составили, так по их отчету вообще что-то непонятное получается. Майор и лезть в эти дебри не собирается. Пусть столичные разруливают, а он всего лишь мелкая сошка областного масштаба. Ему ли кровавые преступления раскрывать?

На самом деле майору было слегка обидно. Казалось незаслуженным такое принижение его способностей. Он, между прочим, тоже не первый год в органах. И с убийствами дело имел, и с убийцами. «Расчлененкой», правда, ни разу заниматься не приходилось. Но, по сути, чем она таким особым от простого убийства отличается? Мешки криминалисты патологоанатомам сдали, те части тел по группам разложили, получили три трупа. Три так три. Даже лучше, чем один, легче пропажу обнаружить. А действия тут для всех одинаковы, хоть для столичных спецов, хоть для провинциальных простофиль.

Начинать поиски нужно с местных обращений. Сколько заявлений о пропаже родственников фиксируется за день? Да сколько бы ни фиксировалось, все их обработать нужно. Майор взялся было за это дело, и тут обнаружил, чем «расчлененка» от целого трупа отличается. Тела-то у майора в наличии имеются, а вот личные вещи, по которым можно было бы эти тела опознать, отсутствуют. Да что вещи, тут похлеще засада! Оказалось, что у всех трех трупов отсутствуют головы, а это похуже отсутствия пиджака и ботинок. Как без головы опознавать?

И все же заявления майор обработал. Запрос сделал по области, все заявления в кучу собрал и три часа кряду читал галиматью, которую со слов родственников следователи в рапорте пишут. Наржался до рези в животе. Что только родственники не указывают в графе «особые приметы»! И царапины от детской игрушки-трещотки, которые вместе с пропавшим двадцать лет в размере росли. И чернильные пятна на запястьях, появившиеся в результате неаккуратного обращения с писчими принадлежностями. Сколотый зуб, волосатые ноги, след от частого использования кухонной терки, гематома в затылочной области от удара сковородой. Один написал, что жена его, когда спит, глаза монетками закрывает, так у нее на веках гербы с двуглавым орлом отпечататься могли. Слышали вы когда-нибудь нечто подобное? Отпечатки двуглавого орла!

С заявлениями майор закончил к девяти и решил, что для одного дня потрудился достаточно. После этого просто сидел в кабинете, выжидая время. Полистал газету, написал формальный отчет, заполнил бланк допроса подозреваемого, а спец с Петровки так и не появился.

В половине второго ночи терпение майора закончилось. Он погасил свет и вышел из кабинета. «Пусть сами своего спеца встречают, мне тоже отдых полагается», – решил он и поехал домой.

Для страховки, правда, дежурного предупредил, чтобы тот вызывал немедленно, как только столичными гостями запахнет. Обезопасив себя таким образом, он уже не думал ни о гнев Бородин, ни о трупах, разложенных на столах морга. Мудрость древнего царя Соломона, заявившего когда-то, что всему есть свое время, майор Иванченков принимал как руководство к действию. Раз уж он решил, что пришло время для отдыха, значит, так и следует поступить, а остальное подождет.

Глава 3

В половине десятого утра полковник Гуров гнал «Рено» по трассе М-9, пытаясь сократить время опоздания. А причина, из-за которой прошла задержка, находилась в салоне на заднем сиденье, и имя ей было Стасик. Назвать недоразумение, навязанное Гурову вышестоящим начальством в качестве личного помощника, лейтенантом полиции у полковника язык не поворачивался.

Прибыть в Истринское управление полиции он должен был к десяти, и это не было проблемой. От Москвы до Истры езды чуть больше семидесяти километров, неспешным ходом не больше часа, а для опытного водителя и того меньше. Гуров считался опытным водителем, он мог себе позволить ехать на максимально допустимой скорости без риска для жизни, своей и окружающих. Выехав из дома в восемь утра, он просто не мог опоздать. Если бы не одно «но». Ехать ему предстояло не одному, а с довеском в виде Стасика. И этот довесок он как раз и не учел.

Нет, неверно. Он учел все странности и особенности молодого напарника. Все, о которых успел узнать за несколько дней их тесного сотрудничества. Как оказалось, странностей и особенностей у лейтенанта Марченко куда больше, чем песка на турецком пляже. С появлением в жизни полковника Гурова лейтенанта Марченко весь привычный уклад полетел к чертям собачьим.

О том, что Стасик патологически не способен явиться куда-либо вовремя, Гуров узнал в первый же день, и эту особенность он как раз учел. Он не стал дожидаться, пока парень напьется и явится в управление, а приехал за ним прямо домой. Лично поднял его с постели в семь утра, заставил впахнуть в себя завтрак, после чего погрузил в машину и, довольный своей предусмотрительностью, покатил из пункта А в пункт Б. Знал бы он, какую промашку совершил, наверняка наплевал бы на строгое приказание генерала Орлова и оставил парня в городе. Пусть бы потом генерал метал громы и молнии. Все равно это было бы лучше, чем то, во что вылилось Гурову его послушание.

За МКАД он успел выехать без приключений. Настроение, которое с тех самых пор, как он узнал о новом задании, не поднималось выше отметки «отвратительно», слегка улучшилось. То ли ласковый ветерок, обдувающий лицо через открытое стекло, этому способствовал, то ли пейзаж навевал приятные воспоминания, но мрачное состояние понемногу отпускало. Перспектива разгрести проблемы коллег из Истринского района все еще не радовала, но уже не так угнетала. Расследовать преступление на чужой территории всегда нелегко, но когда речь идет о «расчлененке», о легкости можно забыть, на чьей бы земле ты ни находился.

Временем полковник располагал в избытке, нужды в спешке не было, а потому катил он себе по трассе, размышляя о превратностях судьбы, о жизни и смерти и о том, как внезапно одно состояние может перейти во второе. Ведь на самом деле очень незначительный процент смертей происходит постепенно, так, чтобы человек успел осознать, что жизнь подошла к крайнему рубежу, что дальше только пустота. Или нет? Если рассматривать убийство с точки зрения крайнего рубежа, успевает ли человек осознать, что с ним произойдет в следующее мгновение?

Кто-то, наверное, успевает. Взмах ножа, и вот он, последний вздох, последняя секунда. Или жертвы душителя, они-то понимают, что спасти может только чудо. Они ощущают сильные руки на шее, видят безжалостный взгляд, жажду смерти в зрачках. Остается ли у них надежда? Вопрос философский, за одну минуту на него ответ не найдешь. Да и нужно ли его искать? Гораздо важнее для безопасности общества понять, как вообще человек решается лишить жизни представителя своего же вида. Да, этот вопрос куда важнее. Ведь пойми психологи, отчего человек становится убийцей, наверняка сумели бы найти способ повлиять на этот

процесс. В какой момент жизни психика претерпевает изменения, и розовощекий, пускающий слюнявые пузыри малыш превращается в монстра?

Если рассматривать предстоящее расследование через призму этих вопросов, то тот, кого Гуров собирается искать, и есть монстр. Убийство трех человек уже достаточно жестокий и антисоциальный поступок, но расчленение тела жертвы – это верх цинизма. Жизнь человеческая для подобного монстра не стоит ничего. Газету старую и то не каждый на клочки рвет, прежде чем выбросить в мусор, а тут тело! Из рапорта истринских коллег Лев понял, что зрелище ему предстоит то еще. Он-то ладно, привычный, а как отреагирует Стасик? Вот ведь навязали обузу. Будто ему с «расчлененкой» мало забот, так еще и за «желторотиком» приглядывай.

Уж как он только ни отбrehивался, как ни пытался отказаться от «помощи» стажера, генерал Орлов остался непреклонен. И сказал-то как, со значением: учи парня, сделай из него профессионала высшего класса, мы, мол, тоже не с молоком матери премудрости оперской службы всосали. Легко ему рассуждать. Сидит в кабинете, бумажки перебирает, приказы отдает. А материал-то видел, из которого суперагента лепить предлагает? Он, говорит, как чистый лист, нетронутая глина в твоих руках. Только сам-то эту глину в руки брать не стал, а почему? Да потому что глина эта цветом совсем другой пластичный материал напоминает. Запахом, кстати, тоже.

И тут Лев почувствовал, что воздух в салоне на самом деле испортился. Занятый своими мыслями, он не сразу сообразил, что надвигается новая беда. Только когда мерзкий, кисловатый запах дошел до ноздрей, в голове тревожно щелкнуло. Он бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида и застонал. Лейтенант Марченко сполз с сиденья вниз и издавал характерные звуки – парня нещадно рвало. Все то, что Гуров впихнул в его желудок сорок минут назад, благополучно перекочевало на резиновые коврики.

– Что же ты творишь, холера тебя заберит? Предупредить, что тошнит, не судьба? Тебя вообще мама хорошим манерам учила, или ты в лесу с волками рос? – возмущенно воскликнул Лев.

Ответить Марченко не мог. Он даже голову поднять не осилил, так его скрутило. Ворча и проклиная все на свете, Лев съехал на обочину, заглушил мотор, выскочил из салона и рванул пассажирскую дверь. Марченко лежал на полу ногами к выходу. Лев потянул за штанины, пытаясь вытащить парня из салона. Тот оказался на удивление тяжелым. Тело расслабилось настолько, что стало весить чуть ли не вдвое больше.

Кое-как удалось справиться с задачей. Он уложил парня на пыльную траву, сорвал с шеи галстук, растянул ворот форменной рубашки. Лицо у Марченко было бледным, на лбу выступила испарина. Рвотные массы запачкали рубашку и брюки, но с этим Гуров решил повременить. Из багажника достал ветошь, приготовленную на всякий случай, обтер губы и щеки лейтенанта.

– Ну, ты как? – Вопрос прозвучал глупо, но более достойной фразы на ум не приходило.

– Пить, – простонал Стасик.

Лев снова полез в багажник. Воды в машине не оказалось, и он, вернувшись ни с чем, произнес:

– Придется потерпеть. До ближайшего населенного пункта километров десять. Выдержишь?

Стасик вяло кивнул. Лежа на земле и прижимая руки к животу, он тихо стонал.

– Живот болит? – спросил Гуров. Марченко не ответил. – Ладно, ехать все равно придется. Подняться сможешь?

Как выяснилось, самостоятельно передвигаться Стасик не мог. Первая же попытка закончилась провалом. Поднявшись над землей на жалких десять сантиметров, парень снова рухнул на траву. Руки и ноги затряслись, его начало ломать, словно в пляске святого Витта. «Только

этого мне не хватало, – озабоченно подумал Гуров, подхватил парня под спину, левую просунул под колени, оторвал от земли и перенес в салон. Уложив на сиденье, хлопнул дверцей. Окна закрывать не стал, сел за руль и погнал вперед.

Ровно через десять километров свернул с трассы в деревушку. Отыскал магазин, закупился водой. Там же приобрел дешевую футболку и спортивные брюки. Когда вернулся в машину, обнаружил Стасика в странной позе. Тот открыл дверцу, свесился с сиденья и висел теперь вниз головой.

– Совсем хреново?

– Уже норм. Пару минут, и я в строю, – ответил лейтенант слабым голосом, который совершенно не соответствовал его заверениям.

Гуров свинтил крышку с одной из купленных бутылок и начал лить воду парню на затылок. Стасик благодарно заурчал, подставил руки. Набрав пригоршню, умыл лицо, хлебнул пару глотков и принял вертикальное положение, голову и ноги оставив на улице, а плечом прислонившись к обшивке сиденья.

– На вот, переоденься. Твои шмотки в пакет уберем, а то запах до самой Истры не выветрится, – бросил Лев пакет Стасику.

Тот изловчился, поймал и, заглянув внутрь, удрученно протянул:

– В штатском ехать?

– Предпочитаешь предстать перед коллегами в облеванной форме? – не слишком корректно проворчал Лев. – Переодевайся, мы уже опаздываем.

– Что, прямо здесь? – растерялся Стасик.

– Нет, в Москву вернемся, там переоденешься. Живей давай! Это приказ. Времени нет.

Стасик приказ выполнил. Смущенно озираясь по сторонам, стянул форменные брюки, надел «спортивки», а брюки аккуратно сложил в освободившийся пакет. Минуту спустя туда же отправилась рубашка. В новенькой футболке Стасик выглядел посвежевшим. Физические усилия прибавили румянца на щеки.

– Волосы пригладь, – посоветовал Лев. – И запомни, если снова станет плохо, сразу говори, не тяни до последней минуты.

Стасик послушно прошелся ладонями по волосам. Гуров осмотрел напарника, удовлетворенно кивнул, забрал у него пакет и, убрав его в багажник, сел за руль. «Теперь гнать придется, – бросив взгляд на часы, вздохнул он, – иначе ко времени не успеем».

Ветер обдувал салон, унося с собой часть неприятного запаха. Стрелка спидометра держалась возле отметки «восемьдесят». Стасик полулежал на заднем сиденье, Гуров присматривал за ним в зеркало заднего вида. И все равно пропустил момент. Когда новый приступ рвоты скрутил лейтенанта, автомобиль разогнался до скорости сто десять километров в час, и затормозить быстро Льву не удалось. Пока он сбавил скорость, пока перестроился в первый ряд, пока припарковался на обочине, Стасик успел уделать новую футболку и чехлы на заднем сиденье.

– Да чтоб тебя! – рывком открывая дверцу и выдергивая парня на дорогу, ругался Гуров. – Мозги тебе для чего даны? Язык тебе для какой надобности? Какого черта ты снова молчал? Или тебе нравится валяться в блевотине? Ты, вообще, нормальный? Тебе русским языком было велено: станет плохо – говори. Неужели трудно запомнить? Любой здравомыслящий человек поступил бы так, не дожидаясь команды. Ты что, здраво мыслить разучился?

Отповедь ушла в никуда, Марченко ее даже не услышал. Он уткнулся лицом в землю и содрогался в конвульсиях. «Пляска Витта» вернулась с новой силой. Гуров прикусил язык: парню и так плохо, а тут еще он со своими претензиями. Достав новую бутылку воды, он плеснул на голову Стасика щедрую порцию. Тот втянул голову в шею, но дергаться перестал. Перекатился на спину, подставил под струю рот.

– Не пей, снова затошнит, – остановил его Лев. – Прополощи рот и выплюнь.

Марченко послушался. Гуров помог ему принять сидячее положение, и Стасик, опершись спиной о дорожное ограждение и приняв из его рук бутылку, снова полил себе на лицо. Футболка, минуту назад сияющая белизной, была теперь вся измазана грязными пятнами. Стасик подтянул край к лицу, вытер щеки. Глаза не открывал, то ли от смущения, то ли от слабости.

– Полегчало? – выждав минут пять, спросил Гуров.

– Теперь да, – ответил Стасик и через силу добавил: – Пока да.

– Думаешь, еще не конец? Слушай, если тебе есть что сказать, говори сейчас. Незачем ждать очередного приступа.

– Меня в машине укачивает. С детства, – признался Стасик. – Как только скорость выше сорока – так желудок точно кто рвет изнутри. Врачи говорят, мозжечок слабый. Такая особенность.

– А раньше не мог сказать? – разозлился Лев. – До того, как мы из Москвы выехали.

– Стыдно было признаваться. Надеялся, что на этот раз пронесет.

– Вот и пронесло. Куда тебя теперь в таком виде?

– Может, снова в деревню заедем? Купим одежду, деньги я вам отдам. Правда, у меня с собой нет, но когда вернемся...

– Забудь, – отмахнулся Гуров, – с деньгами разберемся. А в магазин заехать придется. Вопрос в том, как туда добраться? В салоне дышать нечем, чехлы снимать придется. И непонятно, как тебя до Истры везти, если укачивает.

– Ехать помедленнее придется, – вздохнул Стасик. – Простите, товарищ полковник, подвел я вас.

– Себя ты подвел, дурья башка. Надо было в Москве оставаться, раз знаешь за собой «косяк».

– Да как отказаться, когда в Истре такой опыт? Не мог я остаться, товарищ полковник. Никак не мог.

– Ладно, чего уж теперь. Полежай в салон, будем как-то выбираться.

В ближайшем населенном пункте сменили Стасику одежду, испорченную запаковали и сунули в багажник вместе с автомобильными чехлами. Гуров уложил Стасика на сиденье и повел машину на минимальной скорости. Задние водители зло сигналили, обгоняя «Рено», громко ругались и показывали непристойные знаки, но больше сорока Гуров скорость не поднимал. В какой-то момент Стасик задремал, и появилась возможность обдумать положение.

Нянчиться с лейтенантом у Гурова не было ни времени, ни желания, но он представления не имел, каким образом этого избежать. Отправить обратно в Москву на электричке, сославшись на его плохое самочувствие? Так ведь вконец засмеют парня, уж он-то знает, какими «добрыми» бывают сослуживцы. Такими прозвищами наградят, до самой пенсии прилипнет.

Попросить истринских коллег определить в стационар, пусть себе отлеживается, пока Гуров за убийцей гоняется? Вариант неплохой, тем более что Стасику действительно не помешало бы здоровьем заняться. Вон какой худой да бледный. Поколют витамины, системами кровь почистят, глядишь, и на человека станет похож. Но удобно ли своими проблемами людей грузить? Хорошо они будут выглядеть: приехали помощь оказать, а сами только забот прибавляют. Нет, это тоже не вариант.

Что остается? Остается смириться и таскать парня за собой. Мобильности это, конечно, не прибавит, но, может, и не придется по окрестностям разъезжать. Или для Стасика в архиве работа найдется. А что, это идея. Посадит его за компьютер, обеспечит работой, а сам займется главным. Будет у него Стасик чем-то вроде координационного центра. Куда надо, позвонит, с кем потребуется, переговорит, какие нужны, документы и материалы отыщет. А сам не справится, так Жаворонкова подтянуть, пусть держит его на прямой связи. И ему, Гурову, отвлекаться не придется.

Решение пришло как раз вовремя: впереди показались первые дома Истры. Подъезжая к посту ДПС, Лев притормозил, решив разузнать дорогу до управления. Из здания ему навстречу выскочил дежурный в звании капитана. Радостно улыбаясь, словно встретил брата после долгой разлуки, капитан подбежал к машине, остановился со стороны водительской двери, козырнул и представился:

– Капитан Некорин, здоровья желаю!

– Доброе утро, капитан. Полковник Гуров, Московский уголовный, – начал было Лев, но капитан, еще шире растягивая губы в улыбке, его остановил:

– Можете не представляться, товарищ полковник. Мы вас в лицо знаем. И о цели визита наслышаны, и вообще, приказ у нас: доставить до управления с почетным эскортом.

– Вот как? Чему обязан такой честью, или у вас всех приезжих так встречают?

– Приказ полковника Бородина, – отчеканил Некорин. – Да вы не волнуйтесь, у нас уже все готово. Поедете за патрульной машиной, так и в пробки не попадете, и город посмотреть успеете.

Пока Некорин рассыпался в любезностях, на трассу выкатил «УАЗ – Патриот» с «мигалкой» на крыше и синей полосой по обоим бокам. За рулем сидел угрюмого вида водитель с усами и пышной шевелюрой. Головного убора на нем не было, а вот погоны соответствовали званию старлея. Гурову он коротко кивнул, на Некорина даже не взглянул. Посигналил, давая понять, что готов двигаться, и почти сразу тронулся. Гуров наскоро поблагодарил Некорина и пристроился за «Патриотом».

Двигался тот споро, уверенно обгоняя негустой поток машин. Буквально после двух поворотов «УАЗ» остановился перед входом в здание управления, до которого оказалось рукой подать. Растолкав Марченко, Гуров вышел из машины. Водитель «Патриота» остался за рулем, но не уехал, видимо, согласно приказу, должен был дожидаться, пока визитеры зайдут в помещение. В знак прощания Лев коротко кивнул провожатому, дождался, пока заспанный Стасик выберется из салона, и направился к главному входу. «Если постовой так расшаркивался, как же собираются встречать здесь?» – подумал он, поднимаясь по ступеням.

Хлебом-солью здесь не встречали, чему Гуров был чрезвычайно рад. В дежурке царила привычная суэта: кто-то оформлял бумаги, кто-то писал заявления, в «обезьяннике» местные алкаши громко бранились и ржали, а седенький старичок стучал клюкой по плитам пола и требовал выдать ему причитающееся. Дежурный не сразу заметил полковника. Загруженный работой, он попросту не смотрел в холл. Но уж когда заметил, мгновенно схватил трубку телефона внутренней связи и радостно доложил кому-то, что московский розыск прибыл.

– Я ведь не ошибся, вы из Москвы? – спросил он, но, увидев возле полковника долговязого парня, одетого в одежду не по размеру, засомневался: – Полковник Гуров?

– Все верно, это я. Полковник Бородин должен меня ждать.

– Можете пройти, товарищ полковник. – Дежурный разблокировал «вертушку». – Поднимайтесь на второй этаж, третья дверь налево. Я бы проводил, да от пульта отходить права не имею.

– Спасибо, лейтенант. Сопровождающий – это уже перебор, – Гуров скосил глаза на Марченко. Тот будто и не слушал. Стоял на месте и смотрел в пол. – Дорогу мы найдем. К тому же на двери наверняка табличка. Верно?

– Так точно, товарищ полковник, табличка имеется, – подтвердил дежурный и, стараясь держаться корректно, спросил, кивком указав на Марченко: – Товарищ с вами?

– Со мной, – кивнул Лев и, вдруг решив, что нужно как-то реабилитировать лейтенанта, ударился в объяснения: – У нас в дороге неприятность произошла, пришлось сменить одежду. Найдем прачечную – приведем форму в порядок, а нет, так до Москвы потерпим.

– Зачем же терпеть, когда есть мы.

– У вас в управлении есть прачечная?

– Никак нет, – хитро прищурился дежурный. – Но через два дома от нас есть шикарная прачечная с комнатой для самообслуживания. Хотите сами стирать? Берите свой порошок, запускайте машинку и наслаждайтесь фильмом. А можете воспользоваться услугами сотрудниц прачечной.

– Спасибо, я учту.

Лев протолкнул Марченко вперед, сам прошел следом и направился к лестнице. Кабинет полковника Бородина отыскал быстро. Сверившись с табличкой, постучал и сразу вошел. Полковник Бородин восседал за огромным дубовым столом. Кипа пластиковых папок указывала на то, что без дела полковник сидеть не любил. «Хороший знак, – подумал Гуров. – Если начальник бездельник, то и от подчиненных другого ждать не приходится. А когда начальство сложа руки не сидит, то и подчиненные шустрить вынуждены».

– Здравия желаю, товарищ полковник, – поздоровался он. – Полковник Гуров, Московский уголовный розыск. Прибыл по вызову...

– Доброе утро, Лев Иванович. Если не возражаете, я бы предпочел без званий. – Бородин вышел из-за стола, протянул ему руку. – Работать сообща нам придется долго, так что официоз лучше оставить для планерок.

– Я только «за», – улыбнулся Лев, пожимая протянутую руку.

– Хотите отдохнуть с дороги, или перейдем сразу к делу? – взглянув на Стасика, поинтересовался Бородин.

– Лучше сразу.

– Тогда присаживайтесь, буду вводить вас в курс дела.

Гуров занял место напротив полковника, лейтенант Марченко сел с краю стола. Спортивного кроя брюки и футболка с веселеньким принтом его смущали, поэтому он старался держаться в стороне. Бородин лишь раз бросил на лейтенанта недоумевающий взгляд, после чего забыл о его существовании и обращался только к Гурову.

– Ситуация следующая, – начал он. – Вчера рано утром в одно из отделений Истры пришел мужчина и заявил, что пригнал во двор машину, в которой находятся трупы. Дежурный следователь проверил слова мужчины, и они полностью подтвердились. По его заявлению возбуждено уголовное дело. Это если вкратце. Теперь подробности.

С подробностями провозились около часа. Бородин докладывал, Гуров задавал вопросы. Первичный осмотр показал, что в салоне отечественного авто обнаружены части тел трех человек. Все трое – мужчины в возрасте от тридцати до сорока пяти лет. Причины смерти уточняются, но сам факт расчленения говорит о насильственной смерти. Еще один факт: две жертвы лишились жизни не так давно, примерно от трех до пяти дней назад, а вот с третьим не все понятно. Патологоанатом утверждает, что третья жертва убита более месяца назад и расчленили тело уже после того, как начался процесс гниения.

Отпечатки пальцев прогнали по базе, но совпадений не обнаружено. По более позднему трупу есть сомнения, так как разложившиеся ткани в условиях истринских лабораторий полностью восстановить не удалось. Вопрос с отправкой в Москву еще решается. Процесс опознания осложнялся еще и тем, что у трупов отсутствовали головы. Все части тел на месте, а голов нет. Криминалисты собрали отпечатки пальцев из автомобиля. Поживиться там нечем. Хороших, не смазанных отпечатков очень мало, и большая часть из них принадлежит заявителю, который пригнал машину во двор отдела полиции.

Относительно свидетеля ситуация складывалась не лучшим образом. По его собственному утверждению, он не помнил ничего из своей жизни, вплоть до последних двух дней. Специалист-психиатр поработать с ним не успел, обследование назначено на полдень, так что амнезия пока не получила официального подтверждения. В настоящий момент он числится свидетелем, но запросто может перейти в разряд подозреваемых.

Гуров попросил выдать ему отчет патологоанатомов и криминалистов и обеспечить с ними встречу. Информацию всегда полезнее получать из первых уст, заявил он Бородину, и в этом вопросе полковник с ним согласился.

– Отправлю вас к майору Иванченкову, он ведет это дело. Там на месте и определитесь, с кем встречаться в первую очередь. Вы ведь наверняка захотите побеседовать с задержанным?

– Разумеется, – подтвердил Лев. – Но сначала хотелось бы взглянуть на трупы и на отчеты.

– Папку можете забрать с собой, – подтолкнул в его сторону пластиковую папку с материалами дела Бородин.

– Еще одна просьба, – после минутной паузы произнес Гуров. – Может, это не совсем удобно, но я бы хотел попросить вас выделить мне транспорт. Примерно на сутки. Мою машину необходимо отогнать на мойку.

– Не вопрос. – Бородин любопытничать не стал. Надо, значит, надо. – О мойке не беспокойтесь, я отдам соответствующее распоряжение. А вас пока Вадим Коростылев покатает. Он мужик толковый, хоть и не особо общительный. Зато в чужие дела нос не сует и с разговорами не лезет.

– Коростылев – это тот, кто нас сюда сопровождал?

– Он самый. Что, сердился?

– Да нет, просто сделал свое дело. Как вы и сказали, с разговорами не лез.

– Он новичков всегда с опаской принимает. Бойтся, что его место за рулем отвоевывать начнут. Он как «Патриотик» получил, так совсем на этой почве свихнулся: без выходных готов пахать, лишь бы другого водителя в свой «УАЗ» не пускать. Не любит он это дело. Говорит, у машины, как и у женщины, один владелец должен быть, а когда больше, тогда это уже не машина, а общественный транспорт.

– В принципе, я с ним согласен, – улыбнулся Лев. – Спасибо, что предупредили. Покупаться на водительское кресло я не буду.

– Значит, сработаетесь, – заключил Бородин.

Он связался с дежурным, отдал распоряжение относительно гуровского автомобиля, приказал передать Коростылеву, чтобы готовился к отъезду, а заодно велел предупредить майора Иванченкова, что к нему направляется полковник Гуров с Петровки. Когда Лев, прихватив Стасика, так и не проронившего в кабинете Бородина ни слова, вышел на крыльцо, возле его машины уже крутился шустрый парнишка. На вид ему было не больше двадцати.

– Ваш кабриолет? – подскочил он к Гурову. – Запашок-то гниловатый.

– Потому мойка и требуется, – кивнул Лев и невольно заулыбался, бойким парням он симпатизировал.

– Да тут не мойка, а химчистка нужна. Рекомендую отогнать на Пролетарскую, там ребята на совесть работают. Дороговато, правда, зато сделают все в лучшем виде. К вечеру ваш кабриолет розами благоухать будет.

– Тогда гони на Пролетарскую. Розами куда лучше, чем кислятиной.

– Что да, то да, – согласился парнишка. – А то амбре тут, хоть противогаз надевай. У самих-то самочувствие как? Могу порекомендовать аптеку, там таблетки от укачивания всегда в наличии. И не какая-нибудь туфта, а высшего качества. Хоть в космос лети.

– Ты, я вижу, по всем вопросам эксперт, – усмехнулся Лев.

– На том стоим. – Парнишка шутливо приосанился и добавил: – Времена нынче такие: кто владеет информацией, тот владеет миром. Не помню, кто сказал, но слова золотые.

– Натан Ротшильд. Забавная, кстати, история с этой «крылатой» фразой связана. Почитай на досуге, тебе понравится.

– Читать мне некогда, может, расскажете? Хотя бы в двух словах, – попросил парнишка. – А я вам скидочку на Пролетарской организую.

– Ладно, шустряк, слушай свою историю, – рассмеялся Гуров. – Фраза эта сложилась во времена знаковой битвы при Ватерлоо. Слыхал о такой? Думаю, слышал. Так вот, во время решающей битвы европейские биржи замерли в ожидании. На чьей стороне окажется победа, кто одержит верх – Наполеон или Веллингтон. Утром в день битвы на лондонскую фондовую биржу пришла информация, что победу одерживает Наполеон. Натан Ротшильд новостью сокрушался больше всех и начал спешно продавать все свои акции, его примеру последовали остальные банкиры. К вечеру биржа ломилась от обесценившихся акций.

– И как же это помогло Ротшильду? – в нетерпении перебил парнишка.

– Ротшильд оказался хитрецом. У него в каждой армии имелись шпионы, которые отправляли ему зашифрованные донесения с помощью личных почтовых голубей Натана. Он первым узнал о том, что на помощь Веллингтону подоспел прусский корпус Блюхера. Наполеон потерпел поражение, Натан получил сообщение и с помощью подставных лиц скупил кучу акций за бесценок. В тот день он разбогател на сорок миллионов фунтов стерлингов и стал владельцем большей части британской экономики. Так и родилась полюбившаяся тебе фраза.

– Не хило! Предложение стоимостью сорок миллионов. Ротшильд – сила! – восхищенно протянул парнишка. – Ничего, пусть мы и не Ротшильды, но свою копеечку тоже не упустим, верно?

– Тебе виднее, – пожал плечами Лев. – Так сколько за мойку выкладывать?

Парнишка назвал сумму, Гуров, не торгуясь, выложил деньги, проинструктировал по поводу ковриков и чехлов, лежащих в багажнике, передал ключи, после чего направился к «уазу». Вадим Коростылев сидел в той же позе, в которой его оставил Гуров, и угрюмо смотрел в пространство.

– Мы снова к вам, – оповестил Лев. – Полковник Бородин приписал нас на сутки к вашему автомобилю.

– Занимайте места, – буркнул Коростылев.

Руки для приветствия он не протянул и вообще с места не сдвинулся, поэтому и Гуров навязываться не стал. Стасика усадил на заднее сиденье, сам занял кресло возле водителя. Подумав, решил предупредить:

– У меня к вам просьба, вернее, рекомендация. У моего напарника проблемы с желудком, так что гнать не советую. Оптимальная скорость не выше сорока. Надеюсь, это не проблема?

– Как прикажете, – ответил Коростылев, но украдкой вздохнул.

Лев чуть ли не физически ощутил, как разлетаются мечты старлея о том, как он, под предлогом, что везет не кого-то, а «столичных перцев», начинает выжимать из новенького «УАЗа» максимальные обороты, и тут на тебе: не больше сорока! Обломали так обломали. «Знал бы ты, от какой беды я тебя избавляю, – мысленно произнес Лев, – сейчас в благодарностях рассыпался бы. Содержимое желудка – это тебе не розы». Но Коростылев промолчал, предпочел промолчать и Гуров. Стасик, тот вообще рта не раскрывал. Потупив взгляд, он изучал линии на собственных ладонях. Без форменной одежды он никак не мог ощутить себя значимым, и это его угнетало. Так в полной тишине и доехали до отдела полиции, где содержался под стражей человек без памяти.

Глава 4

Гурову хватило трех минут общения с майором Иванченковым, чтобы понять простую истину: пользы от майора он не получит, не стоит и время тратить на попытки расшевелить этого бездельника. От Стасика, в его теперешнем состоянии, и то проку больше. За то время, что дело находилось в руках майора, он не сделал ровным счетом ничего полезного. Результаты экспертиз к делу подшил и этим ограничился. Ни оперативную группу в лес не отправил, ни поиск возможных свидетелей из числа местных жителей окрестных населенных пунктов не организовал. Сидел и тупо ждал приезда Гурова.

Странная позиция, но для глубинки вполне привычная. Сколько раз Гуров приезжал к таким вот майорам и видел одну и ту же картину: до прибытия полковника никто палец о палец не ударил. «Как же не вовремя Крячко в отпуск укатил, – в который раз за последние несколько часов посетовал Лев. – На кого опереться? Да еще эта амнезия у единственного свидетеля».

А помощь ему требовалась, еще как. Прежде чем составлять план розыскных мероприятий, необходимо было выяснить, какие населенные пункты окружают место обнаружения автомобиля с расчлененными трупами. Майор только плечами пожимал, мол, такой карты не имеем. Выложил перед Гуровым карту Московской области и успокоился. Остальное, мол, в вашей компетенции. Это ведь вы специалисты высшего класса, а мы так, шушера провинциальная. Вот вы и работайте, землю носом ройте, а мы в сторонке постоим, посмотрим, что у вас получится.

Нет, вслух майор ничего подобного не произносил, и даже вид делал заинтересованный и озабоченный, но Лев ведь не первый день в органах, опыт имеется. Ему претензии майора понятны, сам не раз в такой ситуации оказывался. Начнет отдел расследование, и результаты кое-какие получит, а тут явятся молодчики из параллельного ведомства и отберут дело. Теперь это забота федеральной службы, и весь разговор. Или еще хуже, в подчинение возьмут. Отчитываться, мол, будете нам, и разрешение на любые действия у нас испрашивать извольте. Тогда уж не работа, а каторга.

Так что обиду майора он понимал, но его бездействие раздражало. Мало ли на кого у тебя обида, дело все равно делать надо. Подумав, Гуров решил, что Стасик с задачей справится не хуже майора. Во всяком случае, стараться точно будет больше. Оставалось выяснить, в каком конкретно квадрате был найден автомобиль, и можно сажать Стасика за работу.

Но, прежде чем идти к задержанному, Гуров все же решил встретиться с экспертами. Благо те оказались не слишком загружены работой и охотно согласились на встречу в удобное для него время. То есть – немедленно. До морга он доехал за десять минут. Туда же согласился подъехать и криминалист, производивший осмотр автомобиля. Звонок Гурова застал его на выезде, но он заверил, что с текущим делом почти закончил, и обещал сразу оттуда приехать в морг.

Стасика Лев уговорил остаться на улице. И предлог уважительный придумал: ждать приезда криминалиста. Сам же прошел в здание морга, отыскал патологоанатома и уже вместе с ним отправился в «хранилище», как называли на профессиональном сленге комнату с холодильными камерами для хранения трупов.

Патологоанатом представился доктором Кухаревым и сообщил, что все три трупа расположили в одном холодильном блоке. По приказу патологоанатома санитар открыл первый бокс и выкатил носилки с останками самого раннего из трупов. Рассматривать здесь было особо нечего. Части тела сложили в положенном порядке, но не соединяли, ожидая разрешения следователя. Впрочем, подобное распоряжение могло поступить в том случае, если бы отыскились родственники погибшего. Во всех других случаях расчлененные трупы так и сдают для захо-

ронения на территории так называемого трупохранилища, где оно будет пребывать ровно пять лет, или пока не будет востребовано нашедшимися родственниками.

«Еще пара недель, и тело этого несчастного отправится на Лианозовское кладбище, где его захоронят под табличкой с порядковым номером вместо имени. Части тела соберут в пластиковый мешок, словно надоевшие кубики «Лего». Без имени, без лица, без надежды на опознание». Гуров смотрел на уродливые обрубки, с подгнившей кожей и омерзительным запахом, лишь частично замаскированным специальными растворами, которыми напичкали останки уже здесь, в морге, и испытывал странную опустошенность. В голове не укладывалось, как можно привыкнуть к подобному зрелищу. Сколько бы раз по роду службы ему ни приходилось сталкиваться с «расчлененкой», сколько бы подобных расследований он ни довел до логического завершения, понять мотивы преступника его мозг отказывался. Казалось бы, все просто: есть страх разоблачения, из которого вытекает подобное решение – разделить труп на части и спрятать. Так легче. Но легче ли? Сколько раз он убеждался, что в процессе расчленения преступник оставляет куда больше следов своего злодеяния, чем в случае, если бы оставил тело нетронутым. Много раз, слишком много.

И в газетах об этом пишут, и Интернет изобилует подробностями описания того, как и где наследил расчленитель, и все равно это повторяется. Мерзко, шокирующе, запредельно жестоко. Стоит только представить себе, как преступник орудует топором над бездыханным телом, и к горлу подступает тошнота. Как же преступника не тошнит от своих действий? Или он испытывает особого рода удовольствие?

«Нет, думать об этом не стоит. Лучше переключиться на судьбу жертвы. Он уже умер, и этого нам не изменить. Но мы должны попытаться вернуть ему имя, вернуть личность. Если не сумеем разгадать тайну смерти этого человека, он так и останется всего лишь порядковым номером в ряду таких же номеров. За что его постигла такая участь? Перешел кому-то дорогу, настолько насолил, что и имя его с лица земли стереть решили? Или же смерть его – случайное стечение неблагоприятных обстоятельств?»

– Что-то интересное заметили?

Гуров вздрогнул от неожиданности. Он так глубоко ушел в свои мысли, что забыл о времени. Кафельные стены отразили голос патологоанатома и эхом вернули обратно, вырывая полковника из паутины тяжелых дум. Он перевел взгляд с останков на Кухарева и, пытаясь отогнать тревожные мысли, ответил:

– Простите, задумался.

– Я вижу. Так о чем задумались, если не секрет? Просто ваш взгляд, как бы это сказать, в буквальном смысле излучал вселенскую скорбь. А ведь вы даже не знаете, стоит ли этот человек того, чтобы о нем скорбели. Хотя, конечно, если размышлять о проблеме в масштабах вселенной, каждый человек заслуживает того, чтобы было кому оплакать его останки.

– Да вы философ, – улыбнулся Лев. – Приверженцев взглядов Иммануила Канта с его теорией относительности восприятия не часто встретишь в среде людей вашей профессии.

– Почему нет? По мне, так сама профессия обязывает быть философом, – не согласился патологоанатом. – Кстати, взгляды Канта к нашей дискуссии подходят как нельзя лучше, что дает мне право вернуть вам ваш сомнительный комплимент. Полицейские, знакомые с работами философов, встречаются не намного чаще, чем патологоанатомы.

– Сдаюсь! – шутливо поднял руки Лев, показывая, что отдает победу противнику. – Так что вы можете сказать об этих останках?

– Немного. – Кухарев легко перешел к вопросам профессиональной сферы. – Останки принадлежат мужчине в возрасте от сорока пяти до пятидесяти лет. При жизни из хронических заболеваний имел панкреатит, что привело к образованию раковой опухоли в верхней части двенадцатиперстной кишки. Поразительно, но он так и так умер бы в ближайшие пару-тройку месяцев. Убийце стоило подождать, и на одну жертву на его совести было бы меньше.

– Опухоль не операбельна?

– Слишком поздно для операции, ни один хирург не взялся бы за нее. Ни за какие деньги, если они у покойного и имелись. О способе убийства со стопроцентной уверенностью сказать не смогу. На имеющихся останках следов насильственной смерти не обнаружил. Разумеется, если не брать в расчет то, что его разделили на двадцать частей. Колотых ран в области сердца, печени и других жизненно важных внутренних органов нет, следов отравления тоже, вот что я имею в виду. Удушение? Были бы видны изменения в легких, а они, как вы уже поняли, отсутствуют. Вероятнее всего, смерть наступила в результате кровоизлияния в мозг, но, так как голову для проведения экспертизы нам не предоставили, эта версия остается лишь предположением.

– Время смерти?

– От тридцати до пятидесяти дней, точнее сказать трудно. Дело в том, что каждый труп проходит определенные стадии разложения. С момента смерти до третьего дня тело поедают бактерии и собственные ферменты. Это происходит внутри организма, и внешне труп остается достаточно привлекательным. Нам, патологоанатомам, достаются, так сказать, самые мерзости. Если на теле имеются ранки, для мясных мух это Клондайк. Буквально в течение двадцати четырех часов они успевают отложить личинки вокруг ранки и так называемых естественных отверстий, а это рот, нос, глаза, анус и так далее. Жизненный цикл мухи от яйца до личинки примерно две-три недели, если, конечно, на улице не сорокаградусный мороз. Все это для патологоанатома подспорье в его работе. До десятого дня тело раздувает, а личинки растут. Мы сопоставляем размеры, процент вздутости и прочие показатели и получаем реально возможный срок от четырех до десяти дней. Если же тело усыхает, мясо приобретает кремообразное состояние, а открытые части тела чернеют, мы с уверенностью можем говорить о двадцати днях с момента смерти.

– Все это весьма интересно, – борясь с тошнотой, проговорил Гуров, – но не могли бы вы пропустить подробности части этапов и перейти сразу к нашему случаю?

– Что, не нравится экскурс в анатомию патологий? Я вас не виню, немногие мои студенты выдерживают лекцию до конца, чтобы не сбегать в уборную и не опорожнить желудок, – с трудом сдержал смех Кухарев. – Ну, если вы настаиваете, перейдем к нашему случаю. Видите, какой плоской стала плоть? Это результат высыхания, этап так называемого «масляного брожения». По этому признаку мы с уверенностью можем сказать, что жертва является трупом не менее двадцати дней. Если бы плоть соприкасалась с землей, остатки кожи покрылись бы плесенью. Мы этого не наблюдаем и отсюда делаем вывод. Какой?

– Что тело после смерти на землю не бросали, – подал голос санитар. Ему надоело в сотый раз слушать лекцию коллеги, и он решил ускорить процесс, подсказав правильный ответ.

– Верно, коллега, с вероятностью до девяноста шести процентов мы можем утверждать, что тело было запаковано. Это видно и по ряду других признаков. А вот относительно жуков вас проинформировать необходимо. Жуки успели выйти из личинок, что увеличивает период до тридцати-сорока дней.

– Валерий Сергеевич, давайте уже о главном, у меня перерыв срывается, – не выдержал санитар. – Или сами свои трупы тягайте.

– Хорошо, мой нетерпеливый друг, перехожу к главному, – вздохнув, заявил патологоанатом и снова обратился к Гурову: – Так вот, если коротко, на пятидесятый день наступает период сухого распада, а в нашем случае мы этого не наблюдаем. Отсюда вывод: смерть данного субъекта наступила не более пятидесяти и не менее тридцати дней назад. Таков мой вывод.

– По остальным трупам есть что-то важное? Если да, я хотел бы услышать это от вас лично, а не прочитать в отчете.

– Давайте взглянем на останки, отпустим нашего помощника, а после неспешно поговорим, – предложил патологоанатом.

Гуров коротко кивнул. Санитар вкатил носилки обратно в камеру, закрыл дверь бокса и перешел к следующему. Оба трупа Лев разглядывал не более пяти минут. Патологоанатом сообщил, что приложил подробный пронумерованный фотоотчет, по которому легко восстановить картину, если в этом появится необходимость, после чего повел его в комнату отдыха.

И как раз вовремя: в коридор морга входил Стасик, ведя за собой худощавого мужчину в штатском. Вид у того был хоть и уставший, но деловитый. Где-то примерно посередине коридора обе группы поравнялись. Пока обменивались рукопожатиями, успели друг другу представиться. Эксперт-криминалист и патологоанатом оказались давними знакомыми, что при сопряженности их профессий было неудивительно. Вчетвером они расселись по диванам в комнате отдыха и обстоятельно побеседовали.

Гуров попеременно задавал вопросы то криминалисту, то патологоанатому. Те охотно отвечали. Детально и с подробностями. Картина вырисовывалась следующая: если первая жертва неизвестного была убита чуть ли не полтора месяца назад, то два других, по оценке экспертов, на момент обнаружения пребывали в таком состоянии не более трех дней. Оба трупа, как и первый, принадлежали мужчинам, возрастные рамки чуть моложе, от тридцати до тридцати семи. Татуировок, шрамов, характерной формы родинок на жертвах нет.

Собственно, это была практически вся информация. Остальное, включая антропометрические данные, такие, как рост, вес, телосложение, все еще находилось в обработке. Своей лаборатории с новомодной техникой, способной распознать и реконструировать внешность по паре-тройке признаков, у истринских правоохранителей не было, поэтому процесс обещал стать долгим. И все же кое-что интересное Гуров из беседы вынес. В ряду прочих комментариев патологоанатом сообщил, что более поздние жертвы, скорее всего, работали на земле. Если и не были профессиональными фермерами, то уж личное хозяйство для собственных нужд было у них весьма внушительное. Об этом говорили и мышцы, и кожа на руках, и более глубокий анализ собранного с останков биологического и генетического материала. Показывало результаты и кое-что еще: все три жертвы, с вероятностью до семидесяти пяти процентов, состоят в близкой родственной связи. Официальное подтверждение должны были прислать из Москвы после проведения дополнительных идентификационных операций, но, по словам эксперта, это была чистая формальность.

Новость Гурова порадовала. Если жертвы из одной семьи, будет легче искать родственников среди живых. Почему? Да потому, что о пропаже сразу трех человек родственники обязательно заявят. По идее, забить тревогу близкие должны были в тот же день, как только не смогли связаться ни с одним из троих. Когда батарея разряжается на одном телефоне, это норма, но чтобы сразу на трех? Маловероятно. Так должны были рассуждать родственники пропавших. Следовательно, при проверке заявлений особое внимание нужно обращать на коллективные заявки об исчезновении. И сбор информации по окрестным населенным пунктам это облегчит. Исчезновение одного человека могут и не заметить или не придать значения долгой отлучке, но если сразу трое пропали, мимо внимания соседей это никак не пройдет. Новость о родстве трупов Гуров получил от патологоанатома, за что был ему весьма благодарен. Вторую хорошую новость подогнал ему криминалист. Именно он в числе первых попал в салон «девяноста девятой». Он осматривал внутреннее состояние салона, делал фотоснимки, снимал отпечатки пальцев и производил все остальные процедуры осмотра.

Так вот, криминалист сообщил: в салоне, под водительским ковриком найдены остриженные ногти. Не один-два кусочка ороговевшей ткани, а внушительный набор, который скопился там не за один день. Криминалист произвел соответствующие анализы, согласно которым смог определить, что состриженные ногти идентичны с ногтями трупа полуторамесячной давности. Следовательно, можно с уверенностью заявлять, что автомобиль принадлежал раннему трупу. Номерные знаки, требующие регистрации в ГИБДД, спилены, причем задолго до смерти любой из жертв, что наводило на размышления.

Но в целом по автомобилю интересной информации не нашлось. Старенькая модель, которая оставалась на ходу лишь благодаря усиленной заботе хозяина. Днище варено-переварено, крылья и двери пережили замену, и, скорее всего, не одну, все четыре стойки претерпели процедуру так называемого «вытягивания», и это означало, что автомобиль не раз попадал в ДТП. Кроме того, кузов несколько раз перекрашивали, слой краски ни в одном месте не прошел проверку на толщину слоя заводского окрашивания.

По отпечаткам не удалось найти ничего: все оказались слишком смазанные, поэтому совершенно непригодные для сравнения. Багажник под завязку набит всевозможным хламом, но и там ни одного стоящего отпечатка. Таких, которые можно предъявить в суде, уж точно нет. А вот бардачок практически пуст. Скорее всего, об этом позаботился убийца. Перед тем как оставить машину в лесу, он выгреб из бардачка все, кроме упаковки одноразовых носовых платков. Почему криминалист решил, что в бардачке вообще что-то было? Будь это не так, в нем скопилась бы пыль. Толстый, внушительный слой. А ее там не было, несмотря на то, что замок бардачка разболтался, оставляя зазор между дверцей и панелью в добрый сантиметр.

Не желая злоупотреблять расположением обоих специалистов, после часовой беседы Гуров заявил, что беседой удовлетворен, и начал прощаться. И патологоанатом, и криминалист охотно разрешили звонить, если в этом появится необходимость. Патологоанатом проводил гостей до дверей, после чего отправился по своим делам. От предложения Гурова подвезти криминалист отказался, так как приехал на своей машине. На стоянке и простились.

Коростылев дождался, пока полковник и его странный помощник рассядутся по местам, выслушал приказ, куда везти, и, памятуя о требовании полковника не лихачить, поплелся по дороге в обратном направлении. Стасик сидел на заднем сиденье, зажав в руках пластиковый пакет, и наблюдал за сменой пейзажа за окном. Гуров же устремил взгляд на дорогу и принялся размышлять вслух, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Итак, что мы имеем? Начнем, пожалуй, с самого перспективного. Относительно первой жертвы начала вырисовываться более-менее определенная картина. Мужчина в возрасте от сорока до сорока пяти лет. Пожил, как мы видим, немало. Что это нам дает? На первый взгляд, совершенно ничего: сколько их, сорокапятiletних мужчин в России? А сколькими друзьями и просто знакомыми может обрести человек почти за полвека? Одних коллег сколько, при условии, что, по статистике, человек меняет место работы в среднем один раз в пять лет.

– Не скажите, товарищ полковник, – вклинился в рассуждения Гурова Стасик. – Некоторые люди все пятьдесят лет на одном месте работают. Взять, к примеру, моего деда, он, как шестнадцатилетним парнишкой на свой завод пришел, так оттуда на пенсию и вышел. Да еще и на пенсии лет пятнадцать оттрубил.

– Стасик, ты, конечно, парень башковитый, и с памятью у тебя все в порядке, но что касается статистики, ты дремучий, как тысячетлетний дуб, – поморщился Лев, недовольный тем, что прервали его размышления. – И история про твоего деда только подтверждает это правило.

– Да как же, товарищ полковник? Я ведь с какой стороны смотрю? Ведь может же так случиться, что наш покойник, так же, как и мой дед, на одном предприятии всю жизнь трудился.

– Ладно, слушай и запоминай. Дед твой работал на заводе бессменно, но ведь вокруг него тоже люди, и они-то на одном месте не сидели. Одни уходили, другие приходили, а знали его все. Верно?

– Об этом я не подумал. – Стасик почесал нос. – А ведь верно вы говорите, сколько их, учеников и подсобников, через моего деда прошло. Сам рассказывал, как обучал молодняк.

– Вот видишь, стоило память поднапрячь, и верный ответ сам пришел. А теперь давай подумаем, сколько должно пройти времени, чтобы сослуживцы этого несчастного забили тревогу?

– Ну, не знаю. Не очень много, наверное.

– А ты отталкивайся от знакомой ситуации, – посоветовал Лев. – Как скоро на заводе заметили бы отсутствие твоего деда?

– Да сразу же, – легко отозвался Стасик. – Дед ведь практически незаменимым спецом был. Он уже когда на заслуженный отдых вышел, и то его, что ни день, на завод тягали. Иван Степанович то, Иван Степанович это.

– Вот видишь, и с нашим подопечным такой вариант возможен.

– Так это если он спецом был, – заметил Стасик. – А если лоботряс, так никто по нему плакать не станет. Только вздохнут свободно. Баба с воза, кобыле легче.

– И это верно. Но мы будем исходить из предположения, что жертвы все же хватились. Что это нам дает?

– Сроки подачи заявления о пропаже, – выпалил Стасик. – За полтора месяца проверять нужно.

– Молодец, начинаешь соображать, – похвалил Гуров, и лицо Стасика просияло от удовольствия. – Рост, вес, общие черты нам предоставят из московской лаборатории дня через два, а пока этих данных нет, на какие приметы мы будем опираться в поисках?

– На возраст и на пол, – отчеканил Стасик.

– Вот ты этим и займешься. Приедем в отдел, выбью тебе кабинет, будешь заявления изучать.

– А как же допрос свидетеля?

– Заявления важнее. Не разорваться же мне.

– Вот, блин, а мне так хотелось посмотреть, как вы того, без памяти, допрашивать будете, – не сдержал эмоций Стасик.

– Успеешь еще. Уверен, что общаться нам с ним не раз придется. Как только с заявлениями закончишь, привлеку тебя к допросам, – пообещал Гуров и продолжил свои рассуждения: – Что еще мы можем сказать про первую жертву?

– Вроде ничего, – ответил Стасик, решив, что вопрос адресован ему.

– Неверный ответ. О нем мы знаем немало подробностей, если исходить из предположения криминалиста о том, что он является владельцем автомобиля.

– Да с чего он вообще это взял, непонятно, – хмыкнул Стасик. – Документов нет, по номерам машину не пробить, а насчет ногтей, так может, это преступники их насыпали, специально, чтобы со следа нас сбить.

– Это вряд ли. – Гурова предположение Стасика позабавило. – Не думаю, что они стали бы собирать ногти жертвы на протяжении нескольких лет, чтобы при случае подсунуть их в машину.

– Ну а жертва зачем их туда подсыпала? – не унимался Стасик.

– Не подсыпала, а накопила. И это еще один нюанс, который нам известен о первой жертве. У него была привычка стричь ногти в автомобиле. Скорее всего, он этим занимался во время долгого ожидания, когда нужно чем-то себя занять, а интеллектуальные развлечения не впечатляют. Сидит человек, ждет встречи, ногти от нечего делать рассматривает. Потом решает, что те слишком длинные, достает кусачки, такие, что вместо брелока на ключах носят, и отстригает все лишнее. Затем видит, что те на брюки нападали, и машинально стряхивает их на коврик. Ну, а с коврика они постепенно перекачиваются под водительское кресло. И так из раза в раз. Это дает нам еще один факт, касающийся первой жертвы. Сам скажешь, какой?

– Что он неряха? – неуверенно ответил Стасик.

– Это тоже, – улыбнулся Лев, – но я имел в виду другое: развивать свой мозг при жизни этот мужчина не стремился.

– Точно, – обрадовался Стасик. – Вы же говорили про интеллектуальные развлечения. Ведь мог книгу почитать, или ролик познавательный в Интернете найти, а он вместо этого только ногтями любовался.

– А насчет неряшества ты дважды прав. Захламленный багажник это подтверждает, – счел нужным похвалить стажера Гуров. – А вот еще один парадокс: багажник старьем завалил, а за машиной ухаживал. Криминалист сказал, что давненько не видел, чтобы автомобиль с таким солидным пробегом все еще на ходу был.

– Может, за машиной кто-то другой следил. Друг или родственник, – внес предположение Стасик.

– Такое возможно, и здесь мы переходим к двум другим жертвам. Патологоанатом утверждает, что все три жертвы – кровные родственники.

– Вот! Кто-то из них и следил, – осмелев, уверенно объявил лейтенант.

– Хлам хламу рознь, – внезапно вступил в разговор водитель. – То, что водитель в багажнике возит, не всегда является хламом, даже если внешне выглядит именно так.

– Интересное заявление. – Гуров развернулся лицом к Коростылеву: – Можете обосновать?

– Легко, – отозвался тот. – Вот вы упомянули о том, что машина старая, так? Раз старая, значит, всегда есть вероятность, что не одна, так другая деталь внезапно из строя выйдет. Может и прямо на дороге. И что тогда водителю делать? Пешкодралом до ближайшего магазина автозапчастей чапать? А если он в район выехал? Да и не всегда в крутых магазинах запчасти на такую рухлядь найдешь, вот он и возит максимальный запас запчастей с собой, начиная со свечей зажигания и заканчивая карберином. Разумеется, запчасти все, бывшие в употреблении. И как, по-вашему, они должны выглядеть? Как хлам и должны.

– Логично, – согласился Лев. – Что ж, об этом я не подумал.

– Но что следил за машиной не он, тут я с вами согласен, – заявил Коростылев.

– Вот как?

– Именно так.

– И этому заявлению тоже есть объяснение?

– Разумеется, – снисходительно хмыкнул водитель. – Если бы он сам в движке и прочих автомобильных частях копался, ваш эксперт обязательно это просек бы. Кожа на руках должна была масло и всякую смазку впитать намертво, а уж ногти и подавно.

– Дельное замечание. Этот вопрос нужно у экспертов уточнить, – кивнул Гуров и тут же потянулся к телефону.

– Успеете, – остановил его Коростылев. – Приехали. Выгружайтесь.

Машина действительно въезжала во двор районного отделения полиции, где содержали под стражей единственного свидетеля. Коростылев подъехал к крыльцу, заглушил движок. Гуров и Марченко вышли и направились к центральному входу в здание. Не успели они дойти до двери, как на крыльцо вышел майор Иванченков. Увидев полковника, он замешкался, решая вопрос: уйти или остаться. С одной стороны, у него вроде как обеденный перерыв и отлучка вполне законная. Но, с другой стороны, Гуров – большой начальник, из самой столицы приехал, а он вот так вот проигнорирует его возвращение и пойдет набивать брюхо борщом и котлетами? В конце концов победила осторожность. Кто знает, как отреагирует на его уход высокий гость? Сочтет поведение майора оскорбительным, наклеузничает на него непосредственному начальнику, а то и в Москве при случае дурным словом помянет, и прощай, карьера. Нет, уж лучше один раз без обеда обойтись.

Приняв решение, майор Иванченков распахнул перед Гуровым дверь, чуть отошел в сторону, чтобы полковнику было удобнее входить, и вежливо поинтересовался:

– Удачно съездили?

– Отлично, – коротко бросил Лев.

– Хотите пообщаться с задержанным?

– Непременно, но сначала мне моего напарника устроить нужно. Поможете?

– А в чем проблема? – поинтересовался майор.

– Нужен отдельный кабинет с доступом к компьютерной базе. Будем искать следы наших жертв в числе пропавших, – объяснил Гуров. – Реально это организовать?

– О чем речь, на первом этаже есть подходящее. Доступ я сам настрою и наработками поделюсь. Я ведь по заявлениям работу тоже провел, так что вашему помощнику не с чистого листа начинать. А вот и кабинет. Удобный, правда?

С этими словами майор распахнул дверь, ведущую в миниатюрную комнатку, в которой, кроме стола и компьютера, больше ничего не было. Гуров оставил Стасика на попечение майора, а сам направился в крыло, где располагалась камера временного содержания. Взглянув на удостоверение полковника, охранник впустил его внутрь, заявив, что соответствующие бумаги он оформит сам.

Глава 5

Короткую ночь, наполненную тревожными картинками, вызванными поверхностным, так называемым «тонким» сном, сменило долгое утро. Как только первый солнечный луч проник в зарешеченное окно камеры и скользнул по тюфяку возле щеки, мужчина проснулся, словно от толчка. Пробуждение принесло с собой неприятные ощущения. Он ощутил боль буквально на физическом уровне, точно грубые когтистые лапы вырвали его из тревожного тумана. И пусть туман этот не был ласковым или хотя бы безопасным, там, где он оказался теперь, было гораздо хуже. Уязвимый, одинокий и неприкаянный – вот как он себя ощущал.

Впрочем, как еще можно чувствовать себя в тюремной камере? События прошедшего дня всплыли в памяти легко, без усилий. Первое, о чем он вспомнил, – это то, что у него нет имени. Теперь нет. Стоп! Вчера не было, но что, если за ночь ситуация изменилась? Что, если стоит только поднапрячься, и все вернется, все встанет на свои места и он больше не будет безымянным человеком без рода, без племени.

«Давай, дружище, приложи усилие», – мысленно произнес он и попытался проникнуть в глубь памяти. Прошло три минуты, пять, десять. Вернулась головная боль, а воспоминания на горизонте так и не появились. Даже малой части не вернулось, даже купеческого хвостика не показалось. «Проклятье! Это просто невыносимо!» – простонал мужчина. Он откинулся на тюфяк, спина предательски заныла, следом за ней застонали синяки и ссадины. Сильнее всего боль ощущалась в сбитых в кровь ступнях. Если вчера они просто ныли от усталости да саднили раны на растрескавшейся от пыли коже, то сегодня многочисленные ранки, натоптыши, порезы и проколы образовали один многослойный нарыв. Он повернулся на бок, вытянул ноги. В колене вдруг что-то хрустнуло, и боль выстрелом пронзила тело снизу доверху, мгновенно добравшись до истерзанного мозга. В голове застучали наковальни. Он как-то видел передачу про работу кузнеца. Так там у кузнеца на специальном верстаке располагалась целая коллекция разных молотков, молоточков, щипчиков и держателей. Но запомнился ему лишь один: гигант-молот пудов в пять весом. Кузнец подвесил его на кованые цепи и при необходимости просто опускал цепь, а потом раскачивал ее вверх-вниз или из стороны в сторону, а этот гигант сам делал дело. Интересная была передача, бесполезная в практическом смысле, но познавательная. Теперь он знал, зачем смотрел ее: чтобы точно знать, сколько пудов весит его собственный гигант-молот, поселившийся в голове. Так вот, весил он, пожалуй, пуда на два побольше, чем у кузнеца. А уж какой силач его раскачивал! Судя по амплитуде боли – Иван Поддубный, не иначе.

«Надо отвлечь себя, – мысленно произнес мужчина. – Концентрироваться на боли нерационально». Он встал с нар, прошелся по камере. Четыре шага вперед – присесть, шаг в сторону, – наклон, разворот, четыре шага назад – снова присесть. Нет, физические нагрузки сейчас не для него. Еще, чего доброго, гнойные нарывы разорвутся и зальют пол клейкой жижей. Тогда не только боль, но и вонь терпеть придется, а сами раны загноятся еще сильнее. «Может, позвать охрану? Раз уж держат меня взаперти, пусть предоставят медицинскую помощь».

Он дошел до двери, поднял руку, сжал пальцы в кулак и занес над головой. Вредная память услужливо выудила из глубоких недр картину, как злобный охранник заносит кованый сапог над головой несчастного заключенного. За что? Не за то ли, что тот решил качать права и требовать врача? Нет, уж лучше потерпеть. Он снова вернулся на нары. Лег ничком, закрыл глаза. «Где-то должны быть приятные воспоминания. Я должен вспомнить хоть что-то жизнеутверждающее. Должен, и все тут».

И вдруг оно пришло: прохлада ветра, ласковые солнечные лучи и запах. О! Какой это был приятный запах! Сладковато-пряный, щекочущий ноздри. Откуда он шел? Из далекого детства? Из безмятежной юности? А может, из недалекого настоящего? Не важно, откуда. Глав-

ное, он создавал иллюзию покоя и защищенности. Нет, не защищенности, а завершенности. Вначале просто пряно-сладкий, затем с примесью чего-то острого, явно неприродного происхождения.

«Крапак». Смешное слово, странное, но почему-то именно оно всплыло в памяти. Он пытался ухватиться за это воспоминание, пытался продлить момент счастья, которое ощущал когда-то. Имя этому счастью было «крапак». Почему? Не спрашивай, просто наслаждайся. Но мимолетное воспоминание ушло так же внезапно, как и нахлынуло. Он снова сидел в душной вонючей камере, тело его снова разрывало на куски жгучая боль. Тоска накатила с новой силой, бросила в пучину своих волн, накрыла с головой.

– Проклятье! Закончится это когда-нибудь или нет?

Крик вырвался из глубины сердца, долетел до глухой стены и отрикошетил обратно, заполняя ушные раковины, точно клейкая смола. И никуда уже от него не деться. Он застонал, перевернулся на спину и начал декламировать глупую детскую считалочку про месяц и туман, пытаясь заглушить собственный крик, избавиться от тоски и отчаяния, но считалка не помогала. Даже физическая боль отступила перед глубиной отчаяния.

– Я здесь сгнию. Я сгнию здесь заживо, – снова заговорил вслух мужчина. – Черви станут есть мою плоть, а я буду наблюдать за ними. Буду ждать момента, когда они доберутся до сердца. Боже, как же мне больно!

Звук открываемого засова прозвучал как выстрел. От неожиданности он подпрыгнул на нарах, но головы не повернул. Замер, ожидая неизбежного удара по ребрам, или куда там бьют охранники, даже зажмурился, настраиваясь на взрыв боли.

– Чего разлегся, правил не знаешь? – донеслось от двери.

Голос у охранника был мерзко-скрипучим и каким-то липким. Мужчина решил, что не стоит такого дразнить. Перекатился на бок, свесил ноги с нар.

– Эх, ни хрена ж себе колотушки! – не сдержал возгласа удивления охранник. – Ты как вообще-то, живой? Может, врача позвать? Вон как ступни раздуло, поди, и встать не сможешь.

Обеспокоенность в голосе охранника принесла мужчине своеобразное чувство удовлетворения. «Что, гниль увидел, так совесть проснулась? Любуйся теперь, смотри, до чего вы меня, изверги, довели. Бросили беспомощного в клетку и измываетесь, как над скотиной бессловесной». Вслух мысли высказывать побоялся. Буркнул под нос что-то нечленораздельное, перенес вес на истерзанные ступни, скривился, но на ногах удержался. Только тогда поднял глаза. И чуть не захохотал во все горло, настолько голос охранника не соответствовал внешности. Мужчина ожидал увидеть мощного, широкоплечего здоровяка с бритой наголо головой и зверским выражением на лице, а перед ним предстал низкорослый толстяк с румянцем во всю щеку и копной соломенных волос.

– Слушай, я серьезно, ноги твои обработать не мешало бы. Хоть медбрата позвать надо, – обеспокоенно повторил охранник. – Да ты садись, чего уж там. В лазарет тебя все равно не переведут, так что не геройствуй. На больничку только сидельцев отправляют, у нас с этим строго.

– Который час? – удивив сам себя, спросил мужчина.

– Чего? Время? Да около восьми. Я тут тебе жарчку принес. Наложить есть во что?

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Ладно, не кисни. Есть у меня резерв одноразовой. Ложки дерьмо, но приноровиться можно.

Охранник вышел и вскоре вернулся с белой пластиковой миской, из которой торчала такая же ложка. В другой руке он держал хлипенький пластиковый стакан. Охранник выставил на прикрученный к полу стол тюремную пайку, еще раз взглянул на ноги задержанного, озабоченно покачал головой и вышел. На этот раз засов щелкнул повеселее. По крайней мере, так показалось мужчине.

Он придвинул к себе миску, понюхал странного серовато-коричневого цвета варево. Пахло прелой листвой и прогорклым салом. Зачерпнул первую ложку, отправил в рот. На вкус варево оказалось вполне сносным, и ложка заработала быстрее. Спустя три минуты мужчина вылизал миску до последней капли, так и не сумев разобраться, чем его потчуют. В стакане оказался жидко заваренный чай почти без сахара. «Точно, как я люблю, – промелькнуло в голове. – Капля заварки, крошка сахара и чуть теплый».

Поглощенная пища приятно отяжеляла отвыкший от активной деятельности желудок, отчего клонило в сон. «Почему бы и нет? – сам себе задал вопрос мужчина. – Сколько еще здесь торчать, неизвестно, а во сне время быстрее летит». Сдвинул миску к стене, бросил туда же стакан и завалился спать.

Он даже не догадался, что все это время охранник наблюдал за ним в «глазок». А перед охранником стояла дилемма: как поступить? Доложить о состоянии здоровья следаку или без его ведома привести врача этому бедолаге? С одной стороны, вызов доктора в его праве, задержанный болен, чтобы это понять, медицинского образования не требуется. Относительно правомочности вопросов нет, задержанный на его попечении, значит, и за здоровьем ему следить.

С другой стороны, связываться с майором Иванченковым все равно что ходить по острию бритвы на высоте десятиэтажного дома. Как мужик Иванченков неплохой, но вот как майор – совершенно непредсказуемый и неадекватный. Если ему на задержанного наплевать, то приведет или не приведет он к тому врача, майору будет безразлично. Но вот если он на задержанного виды имеет: маринует в камере без предоставления медпомощи, использует режим одиночки, когда к задержанному несколько суток приходит только охранник, – а он ему ноги вздумает лечить, тогда уж от майора добра не жди.

У каждого следака есть масса способов сломить психику задержанного, чтобы тот сам предложил «чистосердечку». Да не просто предложил, а и вылепил все, что следак хотел услышать, и то, чего знать не хотел. Об этом знали все охранники, как знали и то, что если процесс запущен, то останавливать его, пусть и на время, противопоказано. Бывают, конечно, крайние случаи, когда хочешь не хочешь, а притормозить надо, иначе и правды не узнаешь, и человека загубишь. Но интересоваться, каковы планы майора на задержанного, охраннику вообще не улыбалось. Вот и стоял возле смотрового окна, наблюдая за задержанным.

Когда сытый арестант привалился к стене и тихонько засопел, охранник с облегчением вздохнул, теперь можно отсрочить беседу с Иванченковым. Аппетит у арестанта отменный, со сном тоже проблем нет, а ступни? Да и хрен на них, ему же не марафон бежать. «Потерпит, – подытожил он. – Не лишать же его сна из-за ступней. Вот проснется, тогда и посмотрим». Охранник отошел от смотрового «глазка» и пошел в комнату отдыха, довольно потирая руки. Через три часа он сдает смену, и с майором Иванченковым придется разбираться другому.

Но ни через три часа, когда сменилась охрана, ни через пять, когда полковник Гуров шел по коридору, ведущему к камерам, к майору Иванченкову никто так и не обратился, и сам он интереса к судьбе задержанного не проявил. Вот как вышло, что первое, что увидел Гуров, войдя в камеру, это разбитые в кровь пятки и опухшие лодыжки. При тусклом свете тюремной лампочки пятки задержанного приобрели цвет баклажана, их просто невозможно было не увидеть.

– Это что такое? – повернулся он к охраннику. – Что сказал врач? Когда последний раз производили обработку?

– Обработку? – Охранник начал тянуть время. – Имеете в виду его ноги?

– Ноги, ноги, – подтвердил Лев. – Ноги и все остальное.

– Полагаю, шесть часов назад.

– Что значит это ваше «полагаю»? Не помните, взгляните в журнал, там должна быть запись.

– Боюсь, записей там нет.

– Нет? Вы вызвали врача и не внесли записи? О чем вы только думали? – без особого энтузиазма возмутился Гуров. – Ладно, не суть важно, посмотрим в карточке осмотров. Несите карточку.

– Простите, товарищ полковник, но записей нет совсем.

– Хотите сказать, врача к нему не вызывали?

– Да чего, нормальные ведь ноги, – принялся оправдываться охранник. – Ну, немного припухли, гной ведь не сочится? И потом, нам его уже в таком виде сдали. Надо было бы следаку, так он его не к нам, а в лазарет сдал.

– Со следователем будет отдельный разговор, а вам в срочном порядке привести врача. И предупредите, чтобы сразу нес все необходимое для обработки гнойных ран. И так дотянули до края.

Закрыв дверь на замок, охранник оставил Гурова в камере. Здесь стоял неприятный душок: застоявшийся воздух вперемешку с мочой и запахом плесени. Гуров предпочел бы выбрать для общения более удобное помещение, но, как оказалось, все допросные к его приезду были заняты, а откладывать ему не хотелось.

Пока Лев беседовал с охранником, задержанный лежал ничком на матрасе, спрятав лицо в ладони. Со стороны было сложно понять, спит он или просто не желает общаться. Лев полагал, что спит, иначе хоть чем-то себя выдал. Как только охранник удалился, он подошел к нарам, присел на край и тронул мужчину за плечо. Рука ощутила чуть заметное сопротивление, но с места мужчина не сдвинулся и даже не оглянулся.

Гуров принял условия игры, убрал руку и негромко заговорил:

– Добрый день, я – полковник Гуров, Московский уголовный розыск. Буду вести ваше дело. Вернее, не ваше дело, а дело о расчлененных трупах.

Никакой реакции. Мужчина как лежал не шелохнувшись, так и продолжал лежать.

– Мне сказали, что своего имени вы не помните, поэтому представиться не прошу. Но поговорить нам с вами придется, хотите вы этого или нет. Предлагаю не откладывать и начать с главного: скажите, как вы себя чувствуете?

И снова тишина: тема здоровья интереса у мужчины не вызвала. Лев начал методично задавать вопросы, надеясь, что какой-то из них заставит мужчину вступить в разговор. «Нужно его как-то расшевелить. Найти тему, от которой легко оттолкнуться, – подумал он, – иначе мне и начать будет не с чего». Пока он размышлял, вернулся охранник и привел с собой врача. Тот вошел в камеру, поставил на стол чемоданчик и обратился к Гурову:

– Добрый день, Вершинин Леонид Ильич, в прошлом специалист по гнойной хирургии, в настоящий момент штатный врач общего профиля при сем заслуженном учреждении. Осмотр вы затребовали? – Гуров кивнул, и врач переключил внимание на задержанного: – Ну-с, молодой человек, встаем, одежду скидываем, знакомиться будем.

Как ни парадоксально, пошловатая шутка развеселила задержанного, он громко фыркнул, после чего притворяться спящим стало совсем глупо. Поэтому он развернулся лицом к визитерам, опустил ноги на пол и, протянув доктору руку, произнес:

– Значит, хотите познакомиться? Что ж, давайте: Никто Никтоевич Никтоев, можно просто Никто.

– Чувство юмора? Неплохо, неплохо, – довольно потер руки Вершинин. – Хорошую шутку я всегда поддерживаю. Итак, Никто Никтоевич, как ваше самочувствие?

– Три дня назад было лучше, полагаю.

– Успели забыть события трехдневной давности, или никак не определитесь, нравится ли вам у нас? – продолжал юморить Вершинин.

– Так вы не в курсе? Ваши коллеги не считают нужным сообщать вам нюансы?

– Ну, кое-чем они со мной делятся. Не всегда тем, чем хотелось бы, но не будем приди-
раться. Вы ведь наверняка сами мне все расскажете, так зачем тратить время на посредников?
Будь что-то важное, меня бы проинструктировали.

– О, да! Разве стоит внимания мужик с кучей разделанных трупов в машине и с потерей
памяти? – Губы мужчины растянула печальная улыбка.

– Поди ты! Значит, это из-за вас все отделение на ушах стоит? Любопытно, любопытно. –
Вершинин аж засветился от радости. – Всегда хотел узнать: весит ли сколько-нибудь инфор-
мация из мозга? Вы ведь совсем ничего не помните, верно? Эксперимент бы поставить, шанс
офигенный. Круто ведь узнать, сколько весят мысли человека.

– Эксперименты мы проводить не будем. – Гуров понял, что, если доктора не остановить,
осмотр задержанного так и не проведут, поэтому поспешил вмешаться: – Займитесь его физи-
ческими травмами, Леонид Ильич, это будет намного полезнее. Головой займемся позже.

– Верно, верно, простите, – засуетился Вершинин, опускаясь на корточки, а себе под
нос пробурчал: – Вот так всегда, кому-то амнезию, а мне гной и синяки. – Затем, без лиш-
них расшаркиваний, ухватил пациента за лодыжку и принялся рассматривать травмированные
ступни. – Так, так, так. Очень любопытно. Это как же вас угораздило так копыта изуродовать?
Марафонская ходьба без обуви по пересеченной местности? Сколько же километров вы ими
отмахали?

– Без понятия. – Во время осмотра мужчина едва сдерживался, чтобы не застонать от
боли, теперь же слегка расслабился.

– Придется потерпеть, молодой человек, процедура обработки будет болезненной, – пре-
дупредил Вершинин, доставая банки с мазью и устрашающего вида хирургические зажимы. –
Но вы не отчаивайтесь, не все так плохо. А чтобы отвлечься, есть проверенный способ: пока я
буду заниматься своим делом, вы можете рассказать мне все, что помните. Из того, что с вами
произошло, разумеется. Как вам такой вариант?

Он по очереди посмотрел на пациента и полковника, после чего приступил к работе. Его
пациент некоторое время сидел молча, наблюдая за действиями врача. Затем, воспользовав-
шись его советом, начал выкладывать подробности своих злоключений.

– Я ведь на самом деле понятия не имею, что со мной произошло. В какой-то момент
я вдруг очнулся и понял, что бреду по лесу. Вокруг деревья в три моих роста, мошकारа,
комары, заросли кустарника, а я продираюсь сквозь них, точно медведь-шатун, которого под-
няли раньше времени. Собственно, заросли кустарника меня в чувство и привели. Видите, на
руках царапин, что морщин на физиономии древней старушенции? Это шиповник или дикая малина,
точно не скажу. Как я туда залез, в самую гущу? А главное, зачем? Совсем рядом вполне при-
личная тропинка оказалась, а я в бурелом забрался. Это я уже, когда вырвался из колючек,
тропинку увидел. По ней и пошел.

– Куда пошли? – задал наводящий вопрос Вершинин. Не столько из любопытства,
сколько для отвлечения. Ему предстояло прочистить воспаленный нарост на чувствительном
месте, и пауза в рассказе пациента была совсем некстати.

– Да кто его знает? Увидел тропинку, по ней и пошел. Я ведь не сразу сообразил, что
память со мной сволочную шутку сыграла. Сперва одна мысль в голове билась: надо идти,
останавливаться нельзя. Вот я и шел. Потом понемногу соображать начал, осмысливать про-
исходящее. А знаете, с чего мысль в этом направлении заработала?

– И с чего же? – подыграл Вершинин.

– Вы не поверите: с коротких штанов. Что это, думаю, штанины на брюках такие корот-
кие? И почему я надел именно их, они ведь явно мне не по росту. А ботинки мои вы видели? –
кивком указал на стоптанное нечто, сброшенное возле нар, мужчина.

Вершинин на минуту отвлекся, взглянул на обувь и снова вернулся к своим обязанно-
стям. Гуров же не поленился рассмотреть обувь детально. Башмаки и правда вызвали недо-

умение. На правую ногу ботинок из дешевого кожзама, без шнурка, без стельки и с лопиной на резиновом каблуке. Размер ботинка не меньше сорок четвертого, цвет классический, черный. На левую ногу что-то среднее между кроссовками и кедами. Подошва литая с внушительным протектором, а верх тканевый, некогда трехцветный, теперь же грязно-линялого оттенка. И тоже без шнурка, но на проволоке. Размер поменьше, от силы, сорок первый. Каким чудом они образовали пару, было непонятно.

– Вот и я о том же, – будто прочитав мысли полковника, произнес мужчина. – Где я их добыл? На свалке разве что. Только свалку никакую я не помню. И как ботинками и всем остальным разжился, тоже. Но тогда, в первый момент, меня беспокоили не они, а брюки. Наверное, в прошлой жизни, до того, как со мной беда случилась, я щепетильно относился к выбору одежды, поэтому вопрос длины штанин меня так беспокоил. Как вы думаете, доктор?

– Весьма стройная версия. Может, брюки вообще ваш фетиш, – согласился Вершинин. – Пиджачок ваш тоже оставляет желать лучшего, но его внешний вид задел вас не так сильно, я правильно полагаю?

– Пиджак уже потом. Когда к ручью вышел, руки в воду опустил, а рукава мешают, я его снял, чтобы рассмотреть, тогда и ужаснулся. Вы эти пятна видели? Его же не стирали с самого создания.

– Что верно, то верно. Запашок от него негуманный, – поддакнул Вершинин.

– Вот тогда я и задумался над тем, кто я, где я и что со мной. – Голос мужчины зазвучал как-то отстраненно, будто издалека. – Сидел возле ручья и размышлял: странная штука – человеческий мозг. Человеческая память еще более странная. Вот сижу я возле ручья, и что его называют ручей, помню, и что вода в нем течет пригодная для питья, тоже помню, а имени своего вспомнить не могу. Трава, деревья, ствол, кора, прикорневая система, климатические зоны и прочая дребедень в памяти осталась, и по большей части я понимаю, что означают эти слова, а кто я, где живу, есть ли у меня родственники и куда мне податься – как стеной закрыло. Главное, кто такие родственники – помню, а есть ли таковые у меня? Информация засекречена. Вот вы хотите эксперимент провести, узнать, есть ли вес у воспоминаний, а я вам и без эксперимента отвечу: есть. И весят они до хрена. Откуда знаю? Да потому, что голова без этих воспоминаний, точно одуванчик созревший, пустая-пустая, и такая же невесомая. Ох, черт, как же больно! – прикусив губу от боли, застонал мужчина.

Вершинин взглянул на него, сочувственно покачал головой, но работу продолжил. Лишь вскользь заметил:

– Обезболить не могу. Неизвестно, на какие препараты у вас отрицательная реакция, а тут всех дел на полчаса.

– И как же вы вышли из положения? – на этот раз на выручку доктору пришел Гуров. – Как поняли, что нужно делать, куда идти?

– А никак, – просто ответил мужчина. – Думал, думал, ломал голову над тем, кто я есть. Потом устал. Отключил мозг и пошел вперед. Потом машину нашел. Обрадовался. Вот, думаю, мой шанс на спасение! Почему так подумал, не спрашивайте. Я сперва вообще не собирался никуда на ней ехать. Есть очень хотелось, а там в салоне печенья пачка лежала. Ну, я и решил, что должен завладеть ею во что бы то ни стало. Вот и полез.

– Машина оказалась открыта?

– Какое там! «Везунчик» – явно не мое второе имя, – улыбнулся мужчина, вспомнив, как пробирался в салон. – Это снова проказница-память подсобила. Я когда-то передачу смотрел, что следует предпринять, если захлопнул ключи в салоне. Вот и воспользовался. Надо признать, задачка была не из легких. Потруился я на славу, прежде чем до печенья добрался. Но уж больно есть хотелось. Я ведь через багажник лез. Вы хоть представляете, каково это – чувствовать себя селедкой в консервной банке? Я теперь представляю.

– Расскажите, – попросил Вершинин.

– Вам действительно интересно, или просто отвлечь пытаетесь? – спросил мужчина, морщась от боли.

– Считайте, и то и другое.

– В отечественном автопроме есть свои преимущества, – издали начал мужчина. – Задняя панель над сиденьем у них не закрепляется, с какой целью, не знаю, врать не буду, но службу мне это хорошую сослужило. Если постараться, ее можно приподнять, опустить спинку заднего сиденья, и вот ты уже в салоне. При условии, что вес твой не приближается к весу бегемота, разумеется. Как видите, лишним весом я не страдаю. Я открыл багажник, он, кстати, был не на замке, в отличие от дверей. Странно, но факт. Так вот, открыл я багажник, собрался панель поднимать, а там, в багажнике, такое творится! Хлама насыпано, что на городской свалке. Можно сказать, всклень забит. Я часть прямо на землю повыкинул, часть по сторонам расшвырял. Запашок там ужасный стоял, но я все равно полез. Воздуха в легкие побольше набрал и нырнул в багажник. Ногами в панель уперся, толкаю, а она ни в какую. Долго мучился, но справился. Потом спинку опустить никак не мог. В передаче-то все гладко выходило, а здесь – засада на засаде. Это потом я понял, что мешки спинке опуститься не давали, а тогда просто злился. Когда щель образовалась, я в нее полез. Все время застрять боялся, но лез вперед. Ногами, руками помогал и лез. И все думал: и как это Гудини постоянно такие трюки проделывал? У него небось ни клаустрофобии, ни каких-то других фобий от рождения не было.

– Гудини, говоришь? – хмыкнул Вершинин. – Оригинальное сравнение. Вот тебе и имя.

– Какое имя? – не понял мужчина.

– Временное. Надо же нам вас как-то называть. Не Никтоевичем же, в самом деле.

– Гудини? А что, мне нравится. – Мужчина заулыбался и повторил, пробуя имя на вкус: – Гудини. Звучит приятно. Как-то даже мило.

– Вот и отлично, – попытожил Вершинин. – Итак, господин Гудини, с ногами мы завершили. Давайте теперь остальные части тела посмотрим.

Осмотр длился около часа. На протяжении осмотра Вершинин не раз удивленно качал головой, не понимая, как в таком состоянии «Гудини» сумел добраться до города. Переломов и рваных ран, которые требовали бы наложения швов, он не обнаружил, кроме как на голове. Вот там рана вызвала опасения. Приложили бедолагу серьезно, череп чудом уцелел, видно, от природы кость крепкая. Кожа рассечена аж на добрых пять сантиметров, рана успела загноиться, но жизни не угрожала. Вершинин полагал, что именно этот удар спровоцировал потерю памяти, хотя утверждать наверняка не взялся.

После того как доктор завершил свои манипуляции и откланялся, в дело вступил Гуров. За время осмотра он успел связаться с майором Иванченковым и в приказном порядке заставить его распорядиться насчет перевода Гудини в лазарет под наблюдение врачей. Тот спорить не стал, сделал все быстро, так что к моменту окончания осмотра мужчину в больничном крыле ждала отдельная палата. Охраняемая, но все же палата, а не камера. Беседу же он предпочел завершить на месте, и тут уж Гуров не стал сопротивляться.

Вопросов Лев задал массу, но ответы задержанного звучали однотипно: не знаю, не помню, не ведаю. Психиатр приехал только к двум часам, когда мужчину уже перевели в лазарет, а Гуров отправился осматривать машину. Заключение психиатра насчет состояния памяти Гудини звучало однозначно: тот не симулирует, память у него действительно отшибло капитально. Это Гурова даже немного порадовало, Гудини ему нравился, и думать о нем как о расчленителе трупов полковнику не хотелось.

Однако где-то этот самый расчленитель все же существовал, и найти его предстояло именно Гурову. Печальная перспектива, но куда от этого денешься?

Лев вернулся в отдел, занял кабинет, который майор выделил Стасику, и занялся систематизацией полученной информации.

Надо признать, Стасик потрудился на славу. Обработал уйму заявлений, отсортировал те, что подходили по параметрам, и даже успел большую часть родственников пропавших людей обзвонить. Заявлений, на которые следовало обратить внимание, оказалось всего два, да и те подходили с натяжкой. Стасик записал адреса заявителей, к кому следовало съездить и побеседовать лицом к лицу. Один населенный пункт находился в двадцати пяти километрах от Истры, второй – всего в десяти. Гуров решил посетить оба в этот же день.

Прежде чем ехать, он сделал один важный звонок. Был в его арсенале номер телефона врача-невролога, который по праву считался лучшим специалистом по неврологическим заболеваниям. Имя Виктора Зинчева в определенных кругах ассоциировалось с понятием «амнезия», в каких бы проявлениях та не представала. С Зинчевым Лев дружил лет двадцать, если не больше, и дружба эта не ограничивалась профессиональными интересами. По работе они как раз редко пересекались, не так уж часто попадались преступники или пострадавшие без памяти, и хоть личные встречи были нечасты, Гуров знал, что в любой момент может обратиться к Зинчеву за помощью, и тот не откажет.

Не отказал он и в этот раз, напротив, с радостью согласился помочь. Когда Гуров рассказал Зинчеву о Гудини, тот уцепился за возможность получить новый опыт по излюбленной теме и заверил друга, что, завершив текущие дела, утром следующего дня будет в Истре. Лев пообещал встретить его и позаботиться о размещении, после чего они попрощались до завтра. Затем он снова связался с майором, предупредил, что с завтрашнего дня ему потребуется еще одно спальное место и допуск на имя Виктора Николаевича Зинчева для работы со свидетелем – такой статус он установил для Гудини, как только получил заключение психиатра. Покончив с рутинными вопросами, Лев мог уже ехать на опрос заявителей.

Водитель Коростылев оказался на месте. Видимо, от своей машины он дальше чем на пять метров не отходил. Лев сел вперед, Стасик, по обыкновению, занял заднее сиденье, и «Патриот» запылил по проселочной дороге.

Глава 6

Два дня прошли в бесплодных поездках по окрестностям, в бесполезных опросах местных жителей и пустом копании по архивам МВД. Дело Гудини, точно заколдованное, никак не желало сдвигаться с мертвой точки. Помощник Гурова, Стасик, тот просто руки опустил, мол, что толку от таких розыскных мероприятий? Мышиная возня, да и только. Гуров и сам был бы рад сложить оружие, расписаться в своей беспомощности и отчалить в родную Москву, если бы не одно «но»: «расчлененка».

Будь то простое убийство, пусть и трех человек, пусть и с интервалом чуть ли не в месяц, он бы еще подумал, стоит ли тратить время на поиски преступника при доставшемся раскладе. Шутка ли, все заявления перетрясли, всех возможных свидетелей опросили, а за трое суток не сумели даже имени главного свидетеля выяснить. Да и с опознанием убитых дела обстояли не лучше. Раз уж этих троих даже родственники не хватились, может, не стоят они того, чтобы их искали и идентифицировали?

Эту крамольную мысль высказал, разумеется, не маститый полковник, заслуженный работник столичного сыска, а его молодой помощник, но с тем, что в словах временного напарника есть доля истины, Гуров как честный человек не мог не согласиться. А тут еще это самое злополучное «но». Разве можно позволить преступнику, порубившему тела трех человек на составные части, точно они скотина со скотобойни, разгуливать на свободе. Никак нельзя, и все тут. А раз нельзя, то пришлось засучить рукава, отбросить все предыдущие наработки и начать все сначала.

И начал Лев с того, что сгреб главного свидетеля в охапку и повез в лес. К месту, откуда все началось. Доктор Зинчев проработал с Гудини двое суток кряду, но вспомнить что-либо существенное тот так и не сумел. Впрочем, Зинчев надежды не терял. Физические раны заживали на мужчине, как на собаке, и к тому моменту, когда Гуров вывез его в лес, по большому счету, больным тот считался уже только номинально. Чем объяснялось такое быстрое выздоровление больного, врачи сказать затруднялись. То ли организм настолько крепкий, то ли сказывалось отсутствие отрицательных эмоций, связанных с воспоминанием о травмах, но на данный момент состояние его врачи характеризовали как удовлетворительное. Даже ноги, и те пришли в норму, отеки спали, нагноения прекратились, а новенькие мягкие теннисные туфли, подаренные доктором Зинчевым, сидели на стопах как влитые и не доставляли при ходьбе никаких неудобств.

До этого дня место, где была найдена машина с расчлененными трупами в салоне, Гуров не осматривал. Ему и без этого было чем заняться, а отыскать на месте нечто исключительно полезное он не особо рассчитывал, так что с осмотром не торопился. Только когда дело окончательно зашло в тупик, ухватился за осмотр места происшествия, как за спасительную соломинку.

В приписном водителе Гуров больше не нуждался. Парнишка, выпросивший у него рассказ о Натане Ротшильде, слово свое сдержал, и к вечеру первого дня автомобиль полковника сиял чистотой и благоухал свежестью, так что со следующего дня он объезжал окрестности уже на своем автомобиле. В лес поехал тоже на своем авто.

Гудини сидел впереди возле водителя, Стасик скромно приютился сзади. Наученный горьким опытом, Гуров снабдил его прочными полиэтиленовыми пакетами и сажал теперь только на заднее сиденье. По дороге Гудини размышлял о сложностях сыскной работы, по непонятной Гурову причине, проводя аналогии с работой «мозгоправов». Общая мысль рассуждений сводилась примерно к следующему: как сложно разобраться в мотивах, побуждающих преступников совершать то, что они совершают.

Гуров на этих размышлениях внимание не заострял, а вот Стасика выкладки человека без прошлого заинтересовали не на шутку. Он даже пытался вклиниться в монолог Гудини, правда, без особого успеха. Собеседники свидетелю оказались без надобности. За последние несколько дней он усвоил привычку вести диалог с самим собой, и день ото дня результат подобного опыта нравился ему все сильнее. Стасика он не останавливал, просто игнорировал его высказывания, и все. Сам же философствовал с видимым удовольствием.

– Это какую изощренную фантазию нужно иметь, чтобы, к примеру, воспользоваться мешками из-под сахара для столь, с позволения сказать, деликатного груза? А вам, следовательно и оперативным работникам, голову ломай, почему именно сахарные мешки. Может, преступник попросту на сахарном заводе работает, и злополучные мешки единственный доступный вид тары. Что же теперь, все сахарные предприятия проверять? А место, где спрятали машину? Почему лес? И почему именно этот лес?

Мозгоправам тоже нелегко. Вот Виктор Николаевич меня пытается: представьте себя на берегу моря. Какие у вас при этом возникают ощущения? Вспомните детали. Нет, море я себе представить могу, как ни странно. Но и только. Абстрактное безликое водное пространство. Чайки, песчаный пляж и зонты от солнца. Еще куча народа. Лежат на песке, точно селедки в бочке, друг к дружке жмутся. Что в этом воспоминании приятного? По мне, так ничего. Я даже не знаю, мои ли это воспоминания или картина взята из какого-то популярного фильма. Бред, скажете вы? Может, и бред, но Виктору Николаевичу все равно приходится в этом бреде копаться. Точно так же, как следователям в мозгах сумасшедших преступников.

При всем своем многословии Гудини не забывал следить за дорогой. Время от времени он прерывался, чтобы подкорректировать маршрут. Когда добрались до места, он первым выскочил из машины и побежал к кустам.

– Здесь. Именно здесь она стояла. Видите, следы от колес еще видны. Странно. Сколько времени прошло, а трава все примята. – Он обошел кусты, остановился возле прогала и выжидающе взглянул на Гурова.

Лев не спешил. Его больше интересовали не кусты, а дорога, по которой автомобиль туда добрался. Вынув карту местности, он разложил ее на капоте и начал чертить одному ему понятные знаки. Гудини некоторое время стоял на месте, затем любопытство пересилило. Он вернулся к машине, склонился над картой и, внимательно следя за движением карандаша в руках полковника, осторожно поинтересовался:

– Вы уверены, что отметили это место? Сам я в картах не особо.

– Уверен. – Гуров почесал кончиком карандаша затылок, добавил еще пару значков и довольно присвистнул: – Далековато от Истры!

– Думаете, я живу в Истре?

– Возможно. Странно то, что вас до сих пор не хватились. С этой точки зрения, логичнее предположить, что вы не местный, – принялся рассуждать Гуров. – Приехали в отпуск, или что-то в этом роде. Заселились в гостинице, родных предупредили, чтобы не беспокоили. Они думают, что вы отдыхаете, и не волнуются. Логично?

– Гостиница не подходит, – вклинился в рассуждения Стасик. – Истринские участковые обошли все еще в первый день. Ни в одной постояльцы не пропадали.

– Частный сектор, – коротко бросил Лев.

– У бабульки остановился? Тогда возможно, – согласился Стасик. – Частникам без разницы. Нет жилья, и не надо, другого пустят.

– Давайте подумаем над тем, откуда и куда мог двигаться Гудини. Судя по карте, населенных пунктов в радиусе десяти километров не так много. Шесть, если быть точным.

– Доктор, которого вы в первый свой визит привели, сказал, что отмахал я не меньше двадцати.

– Да, но ходить вы могли и по кругу. Сами же говорили, что несколько раз так и было.

– Так это потом. И подошвы ног я изрезал, не по лесу гуляя, а по щебню. Так он сказал. Откуда в лесу щебень?

– Можно выяснить, где гравийная дорога проходит, – предложил Стасик. – Оттуда и плясать.

– Мысль хорошая, – похвалил Гуров. – Вот ты этим и займешься. А сейчас давайте проведем следственный эксперимент. Вы как, готовы?

Вопрос адресовался Гудини. Тот с опаской взглянул на полковника, представления не имея, что тот задумал, но отказаться не решился. Оказалось, волноваться причин не было. Следственный эксперимент состоял в том, что ему пришлось дошагать сперва до дерева, напоминающего по форме крокодила, затем углубиться дальше в лес до ручья, а после проделать весь путь обратно. Гуров и Марченко следовали за ним на приличном расстоянии, чтобы не мешать ему сосредоточиться на воспоминаниях. Но эксперимент ни к чему не привел. Знакомое место ассоциаций не вызвало, и все, что происходило с Гудини до того, как сознание вернулось, так и осталось в тумане.

После первой неудачной попытки Гудини сник, Стасик тоже приуныл, а Гуров пришел к выводу, что никакие его ухищрения процесс выздоровления не ускорят. Если уж Зинчеву не удалось расшевелить пациента, почему должно было выгореть у него, обычного опера из уголовки? И с чего он взял, что поездка в лес освежит Гудини память? Спустя два часа он отвез его обратно в лазарет, Стасика, как лишний балласт, высадил у отдела, придумав для него чисто номинальное задание в архиве, а сам направился в очередной поход по деревням.

«Вы не расстраивайтесь, все обязательно сложится», – произнес Гудини на прощание. Легко сказать: не расстраивайтесь. Речь вообще не о чьих-то эмоциях и переживаниях. Речь идет об убийстве. Тройном убийстве, если быть точным. Вот куда ему теперь податься? Ходить по дворам во всех шести деревнях и задавать один и тот же вопрос: не встречали ли вы вот этого человека? И фотку в лицо совать. Веселенькая перспектива. Особенно, если учесть, как сельские жители к полиции относятся. У них огородные работы в самом разгаре, а признайся, что человек с фото тебе знаком, так по кабинетам затаскают. А полоть-поливать когда? А за скотиной кто ходить будет? Вот и молчат.

Гуров неспешно катил по шоссе в направлении сельскохозяйственного агрогородка. До этого он проехал три деревни, где ему пришлось задать набивший оскомину вопрос раз эдак двести. Один из местных жителей проявил сочувствие и посоветовал прокатиться до агрогородка. Там, мол, и народ пошустрей да помоложе, и работа у них разъездная. По всему району сеют-веют, дорога для них дом родной. Километров по шестьсот за день наматывают. Если кто и встречал заблудшего путника, так наверняка кто-то из агрономов и их подсобников.

Эта мысль показалась Гурову здравой. Он сверился с картой, обнаружил, что агрогородок располагается на пересечении аж шести дорог, и решил рискнуть. Правда, до городка от места, куда дошагал Гудини, далековато, целых восемнадцать верст, но, если верить доктору Вершинину, надежды могли и оправдаться.

Впереди показалась автомобильная развязка. «Солидная конструкция для такой глуши, – подумал Лев. – Наверняка и камеры стоят». Камеры действительно стояли, аж целых три. Он взял этот факт на заметку, сориентировался по указателям, проскочил автодорожное кольцо и свернул на шоссейную дорогу, ведущую непосредственно к агрогородку.

Титул городка населенный пункт получил явно авансом. Население в полторы тысячи человеческих душ, школа и детсад в единичном количестве, почтовое отделение да отделение банка – вот и все местные достопримечательности. Впрочем, железнодорожная станция, расположенная на южной окраине поселка, и солидное аграрное хозяйство частного толка несколько меняли положение дел. К комплексу подсобных строений Гуров и направил авто в первую очередь.

У вместительного, сверкающего новизной оцинкованного металлопрофиля, оборудованного под гараж строения для сельскохозяйственной техники толпился рабочий люд. Гуров беспрепятственно въехал на бетонированную площадку перед гаражом, припарковал машину в стороне от выезда и неспешным шагом направился к самой оживленной группе рабочих.

Судя по внешнему виду, народ здесь собрался разномастный: трактористы и комбайнеры в льняных брюках и хлопковых рубашках, с затейливыми головными уборами на бритых и обросших волосами головах, слесаря в засаленных робах с неимоверным количеством карманов для всякой нужной мелочовки, их более солидные собратья-механики в одежде почище да поновее, пара-тройка помощников агрономов в пиджаках, накинутых поверх спортивных футболок, но с неизменным портфелем под мышкой. Компания обсуждала какой-то чрезвычайно злободневный для всех вопрос, так как чуть ли не каждый второй вел беседу на повышенных тонах и с поистине итальянской жестикуляцией.

– Ты нам мозги не парь, не молокососы перед тобой стоят, – подчеркивая каждое слово резким взмахом руки, ораторствовал пожилой мужик в засаленной спецовке. – Когда было обещано вопрос с хозяевами прорешать? Молчишь? И я бы на твоём месте молчал. Полтора месяца задарма пашем.

– Так его, Сан Саныч, ты еще про соляру напomini, – вторил ему басовитый механик.

– Это явное преувеличение, – собрался возразить худощавый парнишка в клетчатом пиджаке, возрастом чуть старше помощника Гурова Марченко. Видимо, в силу молодости и неопытности вклинился он в момент, совсем для этого неподходящий, так как мужик, которого именовали Сан Санычем, гневно сверкая глазами, тут же заткнул ему рот:

– Молчал бы лучше, хозяйский прихвостень. Сам, небось, прошлогодною картоху отродясь на ужин не хавал. Ты вообще в погребе деревенском по весне хоть разок бывал? Клубни картофельные от метровых ростков обирал, чтобы потом из нее еще и жрачку стряпать?

– Откуда ему, Сан Саныч, он с золотой ложечки выкормленный, – пошутил мужчина средних лет в хлопковой рубаше и соломенной шляпе с лихо заломленными полями.

Его шутка развеселила толпу, несколько разрядив обстановку. Гуров не стал дожидаться, пока накал страстей снова возрастет. Он уверенно протиснулся в центр круга и коротко кивнул, приветствуя всех собравшихся одновременно.

– День добрый, господин хороший. Откель такой нарядный будешь? – спросил Сан Саныч, которому автоматически досталось право поприветствовать незнакомца.

– Полковник Гуров, Лев Иванович. Московский уголовный розыск. Прибыл из столицы для ведения расследования особо тяжкого преступления.

О злободневном вопросе тут же все забыли, включая худощавого парнишку и Сан Саныча. В толпе начались перешептывания, кто-то придвинулся ближе, чтобы лучше слышать, о чем будет вещать столичный гость, кое-кто, напротив, постарался уйти в тень, но на месте остались все. Не каждый день в их глухомань забредает целый полковник полиции, а уж чтобы из столицы, так и подавно.

– И какие такие тяжкие преступления совершаются в нашем селе, о которых в Москве пекутся, а мы слухом не слыхивали? – Сан Саныч продолжал держать инициативу в своих руках, но было видно, что новая миссия ему не по душе. Скорее всего, он предпочел бы слинять по-тихому, да статус заводи́лы не позволял.

– В интересах следствия я не уполномочен разглашать данную информацию, но от помощи не откажусь. – Гуров говорил уверенно, обращаясь ко всем одновременно, но как бы и к каждому в отдельности.

– Выходит, не справляется московская полиция с работой без нас, работяг? – хохотнул все тот же шутник. Смех поддержали вяло, без энтузиазма, и Лев посчитал это хорошим знаком.

– Ваша правда, без помощи бдительных граждан нам, операм, никуда. – Он театрально развел руками и улыбнулся широкой, подкупающей улыбкой. А про себя подумал с досадой, чувствуя себя немного неловко в данной ситуации: «Как паршиво, что со мной нет Стаса. В таких случаях он просто незаменим. Сейчас бы уже брался с Сан Санычем, и без всяких уловок».

– Видали, мужики, ценят нас в Первопрестольной.

– Тебя припрет, и ты любого лошка ценить начнешь.

– Да ладно вам, пустозвоны. Человек дело сказать хочет, а вы лясы точите. Говори, товарищ полковник, в чем помощь нужна? – пришел на выручку Гурову один из слесарей. Он отодвинул в сторону человечка в смешной цветастой кепочке и знаком велел всем молчать.

Гуров поблагодарил его взглядом, достал из кармана стопку с фотографиями Гудини и, разделив их на две части и пустив по кругу, произнес:

– Меня интересует любая информация об этом человеке. Совершенно любая, пусть на первый взгляд и незначительная.

И снова по толпе зашелестел шепот.

– Это преступник и есть? А на вид и не скажешь.

– Брось, Анчутка, таких преступников не бывает.

– Больно ты знаешь, какие бывают. Московские урки не чета сельской шантрапе. Они с фиксами во рту и с цыгаркой за ухом по столице не таскаются.

– Это ты про Куцего? Так он же не уголовник.

– Кто ж он? Уголовник и есть. А что не сидел, так это участкового недоработка. Будь он не такой увалень, сидеть бы Куцему, не пересидеть.

– Вы на фотку глядите да в памяти копайтесь, – шикнул слесарь. – Есть что по делу сказать, так говорите, а оценка ваша полковнику даром не нужна.

Гуров народ не торопил. Пусть насмотрятся вдоволь. Если сразу не вспомнят, может, потом, за ужином, в спокойной обстановке что-то в памяти всплывет. Взглядом он скользил по лицам собравшихся, стараясь фиксировать изменения в выражении их лиц. Постепенно снимки начали один за другим возвращаться к нему в руки. Народ отрицательно качал головами, мол, не знаем такого. Один из слесарей заявил, что Гудини вроде бы похож на свояка его двоюродного брата, но уверенности у него нет. Гуров подозревал, что свояка тот вспомнил только для того, чтобы придать себе значимости в глазах односельчан, но адрес свояка на всякий случай записал.

Когда последнее фото вернулось в стопку, Лев разочарованно вздохнул, задал парую тройку вопросов о местных жителях, не уезжал ли кто надолго, или не пропадал ли без предупреждения, но и на эти вопросы получил отрицательный ответ. Пора было уходить, а он все медлил. Стоял в центре круга, старательно подравнивая стопку снимков до идеального состояния, и думал: «Куда дальше? В Ивановском был, остались Алексини на две сотни душ да Дарна, в которой и полусотни жителей не наберется».

– Ты чего, Макей, жмешься? Сказать что-то хочешь?

Вопрос донесся откуда-то справа, и Лев, резко повернув голову, встретился взглядом с парнишкой. «Молодой совсем, лет семнадцать, – машинально отметил он, – а смотри, уже в комбайнерах ходит». Поймав взгляд полковника, парнишка потупился, даже отступил на шаг, но строгий голос Сан Саныча заставил его вернуться на первоначальную позицию.

– Узнал? – просто спросил Гуров.

– Похож, – неохотно ответил парнишка, теребя в руках кепку.

– И? – тычком ускорил процесс Сан Саныч.

– Чего дерешься? – огрызнулся парнишка. – Раз седой, так все можно?

– Ты, Лександр, тут не выкаблучивайся, – хмуро сдвинул брови Сан Саныч. – Полковник что сказал? Особо опасного преступника ищет. Особо! Опасного! Хочешь, чтобы этот упырь

по твоей родной деревне прогуливался? А что как Галинку заприметит? Или Люську парамоновскую?

– Чего страшась? Без тебя понимаю, что дело серьезное. – Упоминание девичьих имен парнишку смутило, и, чтобы поскорее уйти от скользкой темы жениховства, он решительно приблизился к полковнику и вполголоса проговорил: – Есть вероятность, что этого человека я видел дней пять назад. Только при них говорить не буду.

– Это еще почему? – возмутился Сан Саныч.

– Потому что потом вы меня застегете, – честно признался парнишка и снова повернулся к Гурову: – Можем мы без свидетелей поговорить?

– Пойдем в машину, – предложил Лев.

– Расходись, народ, цирк сворачивается, – разочарованно скомандовал Сан Саныч. – А с вами, – сердито зыркнул он глазами на агрономов, – мы завтра потолкуем.

Гуров повел парнишку к машине, народ начал неспешно расходиться. Вскоре на площадке перед гаражом осталась немногочисленная группа слесарей да механиков. За время разговора в салоне нагрело, точно в печке доменной. Лев распахнул двери настежь, жестом пригласил парнишку на заднее сиденье, сам сел рядом.

– Давай знакомиться. Я – Гуров Лев Иванович, это ты уже знаешь. А ты, полагаю, Александр?

– Просто Санек, так привычнее. Это Сан Саныч специально дразнит, типа, я сопляк, молоко мамкино на губах не обсохло и все такое.

– Не обращай внимания. В работе себя покажешь, сразу дразнить перестанут.

– Скорее бы уж, – вздохнул Санек.

– Давай про клиента моего поговорим. Где ты его видел, когда? Только поточнее, это очень важно.

Санек снова потупил взгляд и принялся мять в руках кепку. Гуров терпеливо ждал, пока тот соберется с мыслями. Ему была не совсем понятна реакция парнишки на вопрос, но жизнь научила его не делать поспешных выводов и без особой нужды свидетелей не торопить. Раз медлит, значит, на это есть причина, и поспешностью только все испортишь. Как созреет, так сразу все и выложит. Так и случилось. Санек пару раз вздохнул, переложил кепку на колени и заговорил:

– Только вы это... Мужикам не рассказывайте. Достали своими подначками.

– Можешь на это рассчитывать, – пообещал Лев.

– Тут дело в чем... Я ведь на этого мужика как внимание обратил? На трассе, на обочине сидел. Долго сидел, поэтому и увидел. Мужики-комбайнеры разыграть меня решили. Я на смену вышел, а они в кабину трактора мне девку подсунули. Нет! Не настоящую, чучело соорудили. Метлу в платье нарядили, вместо головы старую тыкву нацепили, да еще платком повязали. Губы с глазами подрисовали. Ну, и титьки... Я в кабину залез, а они тут как тут и давай ржать. Санек, мол, кралю свою на пашню притащил, ночи на сеновале мало показалось. И это только начало. Пока я их чучело из трактора вытаскивал, они такого наговорить успели, уши вянут. Ну, и психанул я. Бросил чучело, обозвал их и прямо по полю куда глаза глядят... Злой был, как черт, дороги не разбирал. Потом поостыл, смотрю, на трассу вышел. Ну, прошелся немного, чтобы успокоиться. До развилки, где мост стоит, дошел. Сел на обочину и сидел там. Долго сидел, часа три, не меньше. Тогда мужика и увидел.

– Он был один?

– Не один. Он в машине был.

– В машине? Марку, цвет запомнил? Может, номера?

– Номера не запомнил. Марка? Я машинами как-то не очень увлекаюсь. Сельскохозяйственная техника – другое дело, а машинешки все эти мне до фени. Обычная легковушка, блестящая вся, чистенькая. Цвет черный.

– Джип или седан?

– Не джип, обычная.

– Мужчина был за рулем?

– Не, не он. Кто за рулем сидел, я не видел, место неудобное. Но мужик вышел со стороны пассажира, а машина сразу укатила. Лучше я вам все по порядку расскажу.

Санек откинулся на спинку сиденья, наморщил лоб, восстанавливая в памяти события пятидневной давности, после чего рассказ полился, как вода из кувшина:

– Уселся я, значит, на обочине. Ноги поджал, руками их обхватил, подбородком о колени оперся. Глаза сперва закрыл, обида душила, мочи нет терпеть. Машин мало на дороге было. Проедет одна, и тишина минут двадцать. Сидел я так, сидел, потом услышал, как снова машина едет. Звук у движка странным мне показался. Я еще подумал: пальцы стучат. Прислушался, вроде нет. Может, думаю, карберик забился или ступицы пошаливают. Неслась машина нехило, километров сто двадцать будет. И вдруг стих звук. А тормоза не свистели. Должны же были свистеть, если на такой скорости по тормозам вдарить. Вот, думаю, водитель придурок, движка ему не жалко. Из «мажоров» наверняка. Ладно, думаю, не моя забота. У меня свои девать некуда, чтобы еще о чужой тачке переживать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.